МЕЛЬНИКОВА
Ирина

вера, надежда, любовь

Дрянь ТАКАЯ!

издательство «ЭКСМО»

Ирина Александровна Мельникова
Дрянь такая!

Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=125284
Дрянь такая!: Эксмо; Москва; 2007
ISBN 978-5-699-24382-2

Аннотация

Можно ли увлечься дворником, если муж сбежал с любовницей?..

Собирая в командировку любимого супруга Сергея, Аня нашла в карманах его пиджака очень интересные предметы: упаковку презервативов и фантик с отпечатком губ. А в запертом ящике стола обнаружилась записка: «Я беременна»…

Сердце разрывалось, но Аня сдержалась, попрощалась с муженьком как ни в чем не бывало. А сама села в машину и решила проследить за ним. И не ошиблась в своих подозрениях: вместо того, чтобы улететь в командировку, Сергей заехал за девицей с ребенком и исчез с ними в неизвестном направлении…

На следующий день Аня решила побольше узнать о разлучнице и приехала к ее дому. Там женщину уже поджидали какие-то темные личности…

Спас ее странный дворник Александр – Аня понравилась ему с первого взгляда. Он даже решил помочь ей найти Сергея.

И заодно выяснить, что за типы так настойчиво добивались ее любви…

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 21
Глава 3 40
Глава 4 55
Глава 5 73
Глава 6 92
Конец ознакомительного фрагмента. 104

Ирина Мельникова
Дрянь такая!

Глава 1

Дождь, дождь, дождь! Два дня подряд дождь! И – кажется, никогда не проглянет солнце, не высохнут лужи, газон примется чавкать под ногами, как губка, а твой единственный ребенок будет часами сидеть за компьютером или скулить, выводя тебя из терпения:

– Мамочка! Ну мамочка! На пять минут! Погуляю с Редбоем, а? Только до ворот и обратно!

Но мамочка знает, во что превращаются эти прогулки с Редбоем! Именно мамочке придется вывозить эту грязь, что принесут с собой ее ненаглядная дочь и ее ненаглядная собака. Редбоя надо будет купать, дочь заставлять принять ванну, в первую очередь для профилактики простуды, потому что оба явятся с прогулки по уши грязные и мокрые. Но у Татьяны тут же найдется масса убедительных отговорок, у меня же доводов несравнимо меньше… Ну не хватает у меня настойчивости и решительности поставить Таньку на место. А может, терпения? И я отступаю с угрозой:

– Учти, свалишься с температурой, в аптеку не побегу!

Но для Таньки это пустой звук, она знает, что мать у нее

отходчива. Слишком отходчива, и, возможно, поэтому меня используют все кому не лень. Сама я этого как-то не замечаю, но моя лучшая подруга беспрестанно твердит мне, что я бесхребетная, что все сели мне на шею и ножки свесили. Иногда я задумываюсь над ее словами и даже нахожу в них определенный резон, но совесть не позволяет мне отказать человеку, если он находится на грани отчаяния, если ему тоскливо или просто некому пожаловаться на некоторые печальные обстоятельства. Людмила называет меня вселенским жилетом и палочкой-выручалочкой, хотя сама не прочь поплакаться в эту самую жилетку и попросить помощи у безотказной «палочки-выручалочки».

Дочь и собака устраивают небольшую кучу-малу в прихожей. Редбой рвется на улицу, а Татьяна никак не может застегнуть поводок на ошейнике. Без поводка его никак нельзя выпускать, все клумбы перетопчет, почему-то они особенно для него привлекательны. Он роет в них норы, заталкивает туда лохматую морду и шумно фыркает… Что тут поделаешь! Такова порода! Рыть, откапывать, загонять!

Грохот в прихожей, сопровождаемый пронзительным визгом, не понять, кто визжит громче, дочь или ее собака, отвлекает меня от размышлений. И я бросаюсь на шум.

Так и есть! Своротили на пол подставку, а вместе с ней цветочный горшок с фикусом. Горшок большой, в него входят два ведра земли, поэтому звона не было, только грохот.

Танька сидит возле обломков на корточках и рыдает, а

Редбой уже елозит носом по паркету, разгребает кучу земли лапами, словом, весь в работе…

Я останавливаюсь в растерянности, не зная, с чего начать: то ли успокаивать дочь, то ли лупить собаку, то ли отнестись к этому безобразию философски и отправиться на кухню за совком и веником.

– Когда-нибудь я его убью! – говорю я и хватаю юркого мерзавца за ошейник. – Кому я говорила, что фокстерьер в доме – сплошное наказание?

Впрочем, Татьяна это слышит не впервой, но на всякий случай плакать начинает громче. Лицо у нее все в грязных разводах, и я приказываю, стараясь, чтобы голос звучал как можно строже:

– Живо в ванную, а потом чтобы навела порядок в прихожей! А я погуляю с Редбоем.

Проказливая, с весело торчащим хвостом скотина поднимает голову, комья земли застряли в жесткой шерсти, маленькие глазки возбужденно блестят, как же, добился своего. Я обзываю его «паразитом», но это не производит на него никакого впечатления. Редбой, как и все в этом доме, знает, что мои угрозы ровно ничего не значат. Поэтому он презрительно фыркает и отворачивается.

Татьяна, наоборот, не отворачивается, а жалобно смотрит на меня. Разводов на лице прибавилось, губы плаксиво кривятся. В этом весь трюк, и все же я не могу смотреть, когда моя дочь плачет.

– Мамулечка! Я все уберу. Вот только вернемся с прогулки и все-все уберем, до последней крошечки!

Татьяна молитвенно складывает грязные ладошки, а Редбой усаживается рядом и, высунув язык, крайне преданно смотрит на меня. На лохматой морде ни капли раскаяния. Что ж, этот спектакль мы видели не раз, в нем известны все исполнители. Я даже не предполагаю, а знаю, что, воплоти я свои угрозы в жизнь, спокойствия в этом доме не прибавится. Редбой все равно найдет способ, как мне отомстить. В прошлый раз это были мои любимые кроссовки, в которых я бегаю по утрам. Мерзавец полностью разгрыз у них задники, недавно пострадала моя шляпа, которую он гонял по комнатам в наше отсутствие, а еще раньше изорвал в клочья новый справочник по цветоводству, который я с таким трудом отыскала в одном из магазинов на окраине города. И все это как следствие моих попыток хоть как-то приучить эту бестию к порядку.

Нет, это было самой большой ошибкой в жизни – позволить Сергею подарить Таньке на день рождения щеночка. Но разве я предполагала, что трогательный белый, с черными пятнами и рыжей мордочкой комочек с Сережину ладонь, не больше, превратится в наглое и проказливое создание. Сейчас ему восемь месяцев, и вот уже два из них подряд муж обещает отдать его в особую школу для собак, где ему, в чем я сильно сомневаюсь, должны привить хорошие манеры. Перспектива, конечно, радужная. Сережа и Таня свято

верят, что через месяц наш Редбой превратится в образцово-показательную собаку, начнет участвовать в собачьих выставках и украсит свою грудь медалями. Но пока медалью надо награждать меня за бесконечное терпение и ангельскую выдержку…

Дочь и собака не сводят с меня глаз. Они не могут знать, какие мысли бродят в моей голове, поэтому на всякий случай оба принимают скорбный вид. Бедные, как их обижают в этом доме, не пытаются понять и войти в их непростое положение. К тому же в глазах у пса появляется то самое выражение, следствием которого всегда является лужа на полу, если не хуже… Но обычно он отводит на раздумья о судьбе пола минут пять, не меньше.

И я быстро прикидываю в уме. Если оба безобразника сейчас же уберутся на улицу, то мне хватит времени привести в порядок прихожую, пересадить фикус, приготовить жаркое на ужин и навестить Римму. Она просила забежать, что-то у нее не клеится с романом, и она по этому поводу переживает. Вчера звонил издатель, интересовался, когда она с ним покончит, но у мадам писательницы, как всегда, не у шубы рукав…

Я смотрю на часы. На все про все у меня два часа времени. Дай бог, чтобы у Людмилы случился какой-нибудь аврал на работе и она задержалась. Только это вряд ли произойдет. Авралы обычно случаются у меня, и с завидным постоянством, двадцать пять раз в сутки. И все их надо вовре-

мя разрулить: погасить пожар в зародыше, перевести стрелки в другом направлении, вытравить споры грядущих проблем… Помирить, успокоить, предотвратить, не позволить, найти выход… И при этом, не теряя контроля над ситуацией, остаться милой, заботливой, любящей женой и матерью, дочерью и подругой…

– Ладно, валяйте! – соглашаюсь я с подобающим выражением на лице. Надеюсь, Татьяна поймет, на какие жертвы я иду ради нее. Но она, похоже, не понимает.

– Мамуля! – кричит она и в припадке восторга целует Редбоя в лохматую морду. – Ты лучшая на свете мама!

Татьяна вскакивает на ноги и хватает Редбоя за ошейник. Пес упирается и пытается вернуться к вожделенной кучке земли. Кажется, он и впрямь настроен превратить ее в туалет. И даже огрызается, паршивец, когда я прихожу дочери на помощь. Но поводок пристегнут, и парочка негодников стрелой вылетает в двери. Я успеваю подхватить телефон, его чуть не постигла участь фикуса, и неподдельно радуюсь этой маленькой удаче. На прошлой неделе Редбой расколотил третий по счету аппарат, и мне просто повезло, что на этот раз на его месте оказался мой любимый фикус.

Я смотрю в окно. Редбой таскает мою дочь по газонам. Поводок натянут. И впрямь пограничник Карацупа в дозоре вместе с верным Ингусом, как метко заметил мой брат Дима, месяц назад побывавший у нас в гостях.

Некоторое время я наблюдаю за ними: оттягиваю счаст-

ливый момент уборки. Затем ставлю телефон на место и нагибаюсь за фикусом. У моей мамы до сих пор растет в деревянной кадке его собрат, который помнит меня еще маленькой девочкой. Рядом с ним меня ставили в угол, его же я подкармливала отвратительным рыбьим жиром, которым мама исправно пичкала меня в детстве. Я наловчилась сливать его в кадку. Фикус от этого, видно, рос как на дрожжах и вскоре заполнил собой чуть ли не всю комнату, тогда его подкоротили и отвезли в деревню к бабушке. Но там он стал быстро чахнуть, и фикус вернули на родину.

К тому времени мои родители получили четырехкомнатную квартиру, и поначалу он восполнял недостаток мебели. А потом и вовсе стал полноправным членом нашей поредевшей семьи: сначала ушел отец. Бросил мать ради молодой вдовушки. Затем нас покинула старшая сестра, выскочила замуж за геолога и укатила в Иркутск. Вскоре после ее отъезда мой брат ушел в армию, отслужил два года на границе в Амурской области, поступил в пограничное училище и доблестно защищает рубежи нашей Родины то в Карелии, то в Забайкалье, а теперь и вовсе в Таджикистане. Маме он пишет бодрые письма, радостно повествует о прелестях этого горного края, свежем воздухе, прекрасном климате и своем великолепном здоровье…

Мама – человек доверчивый и убеждена, что Димка служит в какой-то особой части, где царит полное взаимопонимание и дружба с местным населением. А все эти жуткие

рейды по горам, перестрелки с нарушителями границы и захваты караванов с наркотиками – все это удел других пограничников, лично ей незнакомых.

Самым трудным оказалось скрыть от нее ранение Димы. Он три месяца провалялся в госпитале в Душанбе. Первый месяц не мог даже ручку в руке держать, и мне приходилось вдохновенно врать, что его, как особо отличившегося офицера, отправили обмениваться опытом в какую-то жутко далекую африканскую страну, где почту перевозят на слонах, поэтому письма доходят не раньше чем через два месяца.

Мама верила в эту ахинею и с гордостью рассказывала подружкам, как ее Димочка лихо передает свой опыт африканским пограничникам… А я все три месяца жила как на иголках, опасаясь, что мое вранье вот-вот раскроется, если кто-то из сослуживцев Дмитрия по доброте душевной сообщит маме о состоянии ее сыночка. По этой причине я перехватила письмо начальника погранотряда, в котором он послал на имя родителей вырезку из армейской газеты, где подробно описывался подвиг брата. Дима с небольшой группой пограничников несколько часов удерживали горный перевал, перекрыв единственный путь отступления крупной и вооруженной до зубов группе контрабандистов…

Я тупо уставилась на стебель с десятком листочков. Два из них были нежно-зеленого цвета, трубочки, в которые они были свернуты, только-только распустились. Растение надо было немедленно спасать. Год назад я подобрала его на свал-

ке, которую устроили на пустыре в двухстах метрах от нашего поселка. На нем оставались два листочка с изрядно пожелтевшими краями, а в остальном фикус смахивал на сухую хворостину. Не знаю, как бы мне удалось возродить его к жизни, если бы я вдруг не вспомнила о живительной силе рыбьего жира.

Фикус долго чах, не желал пускать новую листву, Танька жаловалась, что от него отвратительно воняет, но где вы встречали рыбий жир с нежным запахом? Сережа деликатно помалкивал, но в один прекрасный день спросил, нельзя ли его переставить на балкон. Однако сквозняк вреден всем живым организмам, и я уже подумывала, не свезти ли фикус к маме. А весной он внезапно пошел в рост, выпустил один лист, затем второй, а за три месяца выгнал аж десять листьев и стал более-менее походить на декоративное растение. Почву я заменила, рыбий жир сделал свое дело, а его остатки я скормила Редбою. В отличие от моих домашних щенку он пришелся по вкусу, но дня два от него несло протухшей треской сильнее, чем от фикуса, и Танька категорически отказывалась с ним гулять: негодник по любому случаю лез к ней целоваться.

Всем этим размышлениям я предавалась, не давая рукам скучать. Спустилась в подвал, там у меня на всякий случай хранились несколько цветочных горшков разных размеров. С такой собакой, как наша, этот запас вполне оправдан. Фикус занял свое место на подставке. В новом керамическом

горшке он смотрелся совсем не плохо, но стоило, наверное, подумать о переселении его в деревянную кадушечку. При падении с высоты она не разлетается на миллион черепков.

Уборка прихожей заняла гораздо больше времени, чем я предполагала. К тому же я все время с опаской поглядывала в окно, чтобы не пропустить мгновения, когда дочь и Редбой соизволят закончить прогулку. Но она, похоже, затянулась надолго. Погода вняла многочисленным просьбам трудящихся и прочего населения, дождь прекратился, в разрывах облаков проглянуло ослепительно голубое, словно весенние цветы, небо. От газона парило, петунии на клумбах поднимали к солнцу поникшие под дождем головки, расправляли лепестки. Татьяна и Редбой развалились на лавочке возле декоративной горки, сплошь заросшей цветами. Пес курился, как Ключевская сопка.

Я представила, какие ароматы сейчас витают в воздухе. Я имею в виду совсем не тот запах, который издает мокрая псина. Им сейчас наслаждалась Татьяна. Меня прельщает другое, ради чего я и живу в загородном доме, хотя забот здесь во много раз больше, чем в городской квартире. Но там и запахи другие: пыли, бензина, расплавленного от жары асфальта… Я с тоской посмотрела на ведро с грязной водой и тряпку в своих руках. Чем я занимаюсь, на что трачу время, вместо того чтобы выйти на балкон и вдохнуть этот одуряюще свежий воздух, настоянный на запахах мокрой травы, парном – земли, медовых ароматах алиссума, петунии и чуть

горьковатом – шафранов?

Конечно, я могу позвонить и пригласить Тамару. Домработница бывает у меня через день, сегодня она у Риммы. Но та ждет каких-то важных гостей, которых к ней привезет издатель, поэтому забот у Тамары выше головы. Того гляди обратятся ко мне за помощью, потому что в последний момент выяснится, что именно моих рук не хватает, чтобы навести последний глянец. Но пока таких сигналов не поступало, и я с чистой совестью отправилась сначала в душ, а потом на кухню.

И тут зазвонил телефон. Конечно же, это Сережа. Я всегда точно знаю, что звонит именно он, а не кто-то другой. Не ошиблась и на этот раз.

– Нюша, – раздался его голос в трубке, и я, как это бывает всякий раз, когда слышу голос мужа, засмеялась. Причем я совсем не обижаюсь на «Нюшу», хотя у соседки через дом от нас так зовут кошку. – Отчего веселимся? – деловито спросил муж.

Ну как ему объяснить отчего? Скорее оттого… Оттого, что я люблю его и мы славно провели ночь в своей постели и сегодня, и вчера, и позавчера… Оттого, что он так здорово целуется… Оттого, что он самый замечательный мужчина на свете… Оттого, что выглянуло солнце… Оттого наконец, что он позвонил, когда я этого не ожидала.

– Нюша, – сказал строго Сережа. Он знает, только так меня можно заставить говорить о серьезном, – не сердись, но я

сегодня не приеду на обед. Меня срочно вызывают на севера. Нужно будет до самолета подработать кое-какие документы. Приготовь мне дорожный комплект и два костюма: светлый и серый в полоску, остальное – как обычно. В семь вечера я заеду за вещами.

– Надолго уезжаешь? – Настроение у меня упало. И Сережа понял это по моему голосу.

– На недельку, не больше. Успокойся, – голос его звучал ласково. Я представила, как он улыбается… Господи, дорого бы я дала, чтобы он сейчас оказался на кухне. Уж я бы своего не упустила.

– Я боюсь, что ты снова явишься к самому отъезду, – сказала я ворчливо. – Опять будем собираться впопыхах, а потом неделю дуться друг на друга, потому что в спешке я обязательно что-нибудь забуду. Или у тебя в который раз поменяются планы.

– Нет, не поменяются, – заявил он твердо. – Сказал, на неделю, значит, на неделю, и ни днем больше.

– Ладно, не сердись, – опять засмеялась я, – все соберу и приготовлю, как просишь. Но только Римма обидится. Ты забыл про гостей?

– Нет, не забыл. Я ей позвоню, извинюсь. Надеюсь, ты повеселишься за меня и за себя. Только смотри, американцы – хлопцы шустрые! Не заметишь, как влюбишься!

– Сережа! – произнесла я с укоризной. – Во-первых, я – патриотка, во-вторых, у меня уже есть хлопец русского про-

изводства.

– И как этот хлопец? Ничего себе?

– Ничего? Как ты смеешь такое говорить? – притворно ужаснулась я и произнесла громким шепотом такое, отчего пришел черед ужаснуться ему.

– Нюша! Надеюсь, Татьяны нет рядом?

– Нет ни Татьяны, ни этой лохматой заразы. Вовсю наслаждаются летом.

– Понятно! Опять что-то натворили? – догадался по моему слишком жизнерадостному тону Сережа. И заспешил: – Прости, нет времени на разговоры. Меня ждут на совещании. Но я тебе перезвоню… – Он отключил телефон, и я некоторое время слушала короткие гудки, хотя знала, что в ближайшие два часа звонка не дождусь: ровно столько продолжались совещания в его конторе.

Но только я называю его организацию «конторой». На самом деле это – представительство крупнейшего в России Таймырского медно-никелевого комбината, расположенного за Полярным кругом, где десять месяцев – зима, остальное – лето. Продукция его идет нарасхват, как внутри страны, так и за рубежом. Сережа говорит, что подобных комбинатов во всем мире раз, два и обчелся, а он знает, что говорит. Мой муж вот уже пять лет возглавляет представительство Таймырского комбината, поэтому и крутится как белка в колесе, и дома живет меньше, чем в командировках.

Но я его прощаю, потому что всякий раз, когда он воз-

вращается домой, мы переживаем свой очередной медовый месяц, и это компенсирует многое. И лишь по одной причине, чтобы не тосковать о нем, я занимаюсь массой дел, которые выгодны прежде всего тем, кто ими не хочет заниматься зачастую из-за собственной неповоротливости, несообразительности, а бывает, из-за откровенной лени; тем самым я заставляю быстрее течь время, которое словно останавливается, когда Сережа уезжает от нас с Танькой.

Один раз в неделю я работаю в поселковой библиотеке. Поселок – комбинатовский. Здесь живут сотрудники представительства и пенсионеры, отработавшие на северах по двадцать и больше лет. Дома выстроены по особым проектам, но очевидного дисбаланса в застройке не наблюдается, что так характерно для подобных поселков, выросших вокруг города в последние десять лет. Здесь нет восточных дворцов и боярских теремов, нет уродливых железобетонных мавзолеев и кирпичных псевдоготических замков…

В нашем поселке выросло уже больше двух сотен скромных двухэтажных коттеджей, деревянных или кирпичных по выбору хозяина. Но в каждом имеется сауна и бассейн, подземный гараж на две машины и хозяйственные постройки во дворе. Северяне большие любители натурального хозяйства. Поэтому по утрам нас будят крики петухов, звон молочных струй о дно подойников и рожок пастуха, собирающего местных буренок в стадо.

Но у нас, наверное, единственный в поселке дом на два

хозяина и по сравнению с другими маленький общий с Риммой огородик, где растут в основном лук, редиска, необходимая для стола зелень да клубника, под которую отведено несколько грядок. Но большую часть того же общего двора занимают цветники и посадки декоративных кустарников. Сада у нас нет, но часть усадьбы находится в лесу, пихты и березы растут прямо за домом, а лесными цветами и папоротниками заросли все полянки между деревьями.

Идея общего двора и огорода принадлежит Римме. Ее прямо-таки хлебом не корми, дай посидеть между грядок, полюбоваться торчащими из земли острыми, как копья древних воинов, стрелками лука, кучерявой петрушкой, зонтиками укропа. Она любит сорвать листик мяты или сельдерея, размять его в пальцах и вдыхать этот запах, от которого, как она уверяет, пропадают головные боли, а мозги настраиваются на творческий лад.

Я ей не перечу. Вывожу в коляске во двор и оставляю в беседке, на полянке или между грядок. Она сидит в широкополой шляпе под кружевным зонтиком. Его изготовили на заказ по картинке из модного журнала начала прошлого века. Впрочем, сама Римма тоже напоминает мне дореволюционную даму, нечаянно попавшую в наше время. Тонкие черты ее лица безупречны, взгляд слегка высокомерен, но не из-за вздорности характера, отнюдь нет. Так она смотрит на незнакомых людей, потому что более всего на свете боится, что ее примутся жалеть.

Вот я и подошла вплотную к тому, чтобы рассказать, кто такая Римма и почему наш дом имеет два хозяина. Хотя понятие это весьма относительное. По сути, мы одна большая семья. Не совсем обычная, не совсем привычная, но все-таки семья. И я не стыжусь, когда, представляя Римму, говорю: «Это первая жена моего мужа, а я – вторая».

Глава 2

Вот уже пятнадцать лет Римма – инвалид. У нее нелады с позвоночником, после того как она попала в камнепад на Кавказе. Дело в том, что когда-то она работала инструктором по горному туризму, водила группы на Эльбрус, помогала осваивать азы альпинизма новичкам. Ей было тридцать пять, Сереже – двадцать два, когда они встретились в Теберде, и мой будущий муж влюбился в нее сразу и бесповоротно. Его не смущала приличная разница в возрасте и то, что у Риммы было двое детей от первого брака. Ее первый муж погиб при восхождении на высочайшую вершину Тянь-Шаня – пик Победы.

Римма, как я уже говорила, поразительной красоты женщина. Она знает себе цену и даже сейчас, прикованная к коляске, не теряет своего достоинства и бодрости духа. К моменту знакомства с Сережей у нее уже был мужчина, за которого она собиралась замуж, начальник альпинистского лагеря, поэтому ухаживания Сережи она не воспринимала серьезно. В порядке вещей, что туристы частенько влюбляются в своих инструкторов. Но Сережа стал исключением из правил. Он не был навязчив, не лез на глаза, не допекал Римму признаниями в любви, но так как отпуск у него был, как у всех северян, полгода (в то время он уже работал технологом на комбинате), эти полгода он, естественно, провел в лагере,

тем более что путевки в то время стоили сущие пустяки.

Словом, к концу сезона он сделал Римме предложение, а она, к всеобщему удивлению, его приняла. Сказалось, видно, сногсшибательное обаяние Сережи, которое способно растопить даже самое каменное сердце. «Что ж, попробуем, – ответила ему Римма, – но распишемся только тогда, когда я сама скажу об этом!» Через год они расписались, а еще через полгода у них родился Миша.

А еще через полтора года Римма вырвалась на любимый Кавказ и на первом же маршруте попала со своей группой в обвал. Возможно, потеряла сноровку и не заметила опасности, возможно, это было простым стечением обстоятельств, я не могу о том судить, потому что знаю об этой трагедии только со слов Сережи. Сама Римма предпочитает об этом не рассказывать, а я не лезу с расспросами, потому что в тот день мир для нее рухнул, а жизнь разделилась на две половины: до и после катастрофы. Ее туристы отделались испугом и незначительными травмами, но Римме, которая шла первой, досталось больше всех. Когда ее извлекли из-под камней, врач лагеря вызвал вертолет, не слишком веря в то, что Римму довезут до Нальчика живой.

Но она выжила, перенесла два десятка операций, пять лет лежала без движения, и Сережа делал все, чтобы поднять ее. Трое детей, один из них совсем еще маленький, и все на одних руках. Родителей его и Риммы уже не было в живых, и поэтому ему приходилось крутиться самому. Няньки, сидел-

ки, дорогие лекарства, операции – все это требовало уйму денег. К тому же Север не совсем подходящее место для подобных больных. Но Сереже пошли навстречу и предложили работу в представительстве комбината, а через пять лет он стал его руководителем. Денег он стал получать несравнимо больше, к тому же комбинат начал строительство поселка, и вскоре все семейство Родионовых переехало в новый коттедж. К тому времени в здоровье Риммы наметились улучшения, она стала сначала с посторонней помощью, а затем и сама садиться в постели. Сережа заказал, и ему привезли из Германии навороченную коляску для инвалидов.

Но через пять лет после трагедии Сережа встретил меня… Я с трудом перевела дыхание… То были самые сложные дни в моей жизни, хотя и очень счастливые. Но сейчас мне не хотелось бы об этом вспоминать, потому что тогда я окончательно забуду о тех делах, которые мне предстоит сегодня выполнить. Я опять посмотрела на часы, видно, придется отложить встречу с Людмилой или перенести ее на завтра. Я не могу лететь сломя голову, чтобы успеть попить кофе с подругой, когда мой муж уезжает в командировку. Первым делом я должна собрать ему вещи и приготовить ужин. Если он заедет домой в семь вечера, а его рейс в одиннадцать двадцать пять (часы отлета и прилета я знаю наизусть), то остается с часок времени, чтобы неспешно поужинать и обсудить кое-какие дела, которые я намерена решить перед нашей поездкой в Грецию.

Но об этой поездке я тоже подумаю чуть позже. Сейчас я должна полностью сосредоточиться на неотложных делах. Я выглянула в кухонное окно, оно выходит аккурат на лес. Таня и Редбой суетились возле шалаша, который мы с Сережей выстроили для дочери в позапрошлое воскресенье. Теперь это ее любимое место. В солнечную погоду она торчит там с утра до вечера, там у нее на удалении от взрослых собственный мирок. Сейчас она занималась тем, что вывешивала на просушку пострадавшие от дождя коврики и старое байковое одеяло. Несколько кукол отдыхали на пеньке, прямо на траве валялись коробки с кукольной посудой и мебелью…

Я отошла от окна. Что-то мешало мне сосредоточиться. И я сама не могла понять, что именно. Но с самого утра во мне жило какое-то мрачное предчувствие, словно должно было произойти что-то нехорошее, крайне гнусное, хотя никаких предпосылок к этому не проглядывалось. Я старательно отгоняла мысль, что это связано с Сережиной командировкой. Он постоянно летает на самолетах и вертолетах, и я всегда переживаю, пока не получу от него сообщения, что с ним все в порядке.

Я сконцентрировала свое внимание на собственных ощущениях. Нет, это не по поводу командировки. И с вечеринкой у Риммы тоже никак не связано. Людмила? Ну поворчит, что у меня семь пятниц на неделе, так разве это впервые?

Все! Хватит! Я решительно подступила к холодильнику и вытащила из него кусок мяса, которое требовалось разморо-

зить. Затолкала его в микроволновую печь и включила ее. Над ней поднялся синеватый дымок, печь жалобно пискнула и отключилась.

Вплоть до этого события день казался мне вполне сносным. И если бы микроволновка не пыхнула дымом и не сгорела, я бы считала его таковым и дальше. И все же я попыталась себя убедить, что и разгром в прихожей, и происшествие с микроволновкой не являются предвестниками грозных бед и трагедий. Над нашим домом продолжало сиять солнце, погода за окном была прекрасной, жара благодаря дождям не допекала. Судя по термометру, на улице было около двадцати пяти градусов тепла, самая комфортная для меня температура.

Я вытащила мясо из микроволновки и положила его в миску, чтобы продолжить процесс оттаивания естественным путем.

Татьяна все еще была поглощена наведением порядка в своем «домике», и я представила, сколько будет недовольства, если я оторву ее от любимейшего занятия. К тому же какое-то время я смогу отдохнуть от собаки, вечно снующей у меня под ногами и тыкающейся носом куда попало. Вот они, издержки дурного воспитания. Фокс, конечно, знает свое место и понимает некоторые команды, но терпения у него хватает на пару минут, не больше.

Сейчас он, похожий издали на большую щетку от швабры, то катается от избытка чувств по траве возле шалаша, а

то вдруг принимается резво работать лапами, докапываясь до одной ему известной добычи. В мире царили тишина и покой, и их не могли разрушить даже в десять раз большие неприятности, чем те, что произошли сегодня.

Я открыла окно и окликнула Таню. Дочь повернула ко мне сияющую мордашку. Она у нее была абсолютно чистой, грязные разводы исчезли, глаза радостно блестели.

– Мама, я не хочу кушать, – возвестила она, заметив мой светлый лик в окне, – а для Редбоя передай сюда корм. У него здесь есть миска.

– Ты собралась насовсем переселиться в свой шалаш? – весело поинтересовалась я. – Пищу будешь готовить на костре, а спать прямо на земле?

– Нет, – покачала головой Таня, – я хочу устроить настоящее индийское жилище. Миша обещал мне помочь, когда вернется с тренировки. Смотри, какую книгу я нашла! – и она помахала мне книжкой в желтой обложке.

Я улыбнулась. История повторяется. Когда-то именно эта книга, «Маленькие дикари» Сеттон-Томпсона, заставила нас строить точно такие же шалаши, или «типи», как называют свои жилища индейцы. Мы старались во всем копировать жизнь юных героев книги, правда, не все получалось…

– Кто-то обещал мне помыть машину, – крикнула я в окно. – Дождь прошел – самые хорошие условия для выполнения обещания!

Танька по своему обыкновению страдальчески закатила

глаза, но потом на ее мордашке появилось хитрое выражение, и она тут же превратилась в пай-девочку. Эта барышня знает, что не стоит пререкаться, иначе я прекращу ее возню в шалаше и отправлю выполнять обещанное. За чем, за чем, но за этим я слежу строго. Дал слово, сдержи его! Это во мне сидит с детства. В нашей школьной компании терпеть не могли болтунов и обещалкиных.

– Ну мамуль! – заныла дочь. – Миша через час приедет, отгонит машину на автомойку.

– Ладно, договорились, – отвечаю я. Действительно, это лучший вариант, потому что я никуда уже больше не спешу.

Но об этом надо непременно сообщить Людмиле. С соответствующим выражением лица я беру телефонную трубку и набираю номер ее сотового. Но «абонент временно не отвечает или находится вне зоны действия сети». Я смотрю на часы. И как я забыла. Сейчас Люська у косметолога, поэтому телефон отключен. Она очень серьезно относится к своему внешнему виду и то и дело поругивает меня, потому что я вечно не могу найти времени на то, чтобы заняться собой. Нет, я исправно бегаю по утрам, делаю зарядку, купаюсь в озере, но этим можно заниматься, как говорится, не отходя от кассы: и лес, и озеро в пяти минутах ходьбы от дома. А на всяческие процедуры следует ездить в город, но мне жаль терять время на поездки, они занимают почти два часа в оба конца. Зачем выбрасывать из жизни ежедневно два часа, когда их можно потратить на что-то более полезное.

Я уже сказала, что один раз в неделю целый день занята в поселковой библиотеке. Она действует на общественных началах, а фонд ее полностью состоит из книг, подаренных жителями поселка. Двухэтажное просторное здание принадлежит комбинату. Для нас это своеобразный клуб, потому что в поселке нет ни школы, ни кинотеатра, ни спорткомплекса, ни дома творчества для детей… Все это объединено под одной крышей, кроме школы, естественно, и неработающие женщины раз в неделю, а по желанию и два работают на благо общества: обслуживают читателей библиотеки, ведут кружки и клубы по интересам. Есть у нас и тренажерный зал, и маленький бассейн. Все это существует на добровольные пожертвования обитателей поселка. И это дает нам повод гордиться, что мы живем насыщенной полнокровной жизнью и не позволяем нашим детям праздно болтаться по улицам и пить пиво в дешевых забегаловках.

Участковый, капитан Симакин, называет наш поселок «городом Солнца», и для этого у него тоже есть основания, потому что за последний год на его территории не совершено ни одного преступления. Конечно, большую роль играет то, что на всех въездах и выездах из поселка стоят шлагбаумы и дюжие охранники, а улицы хорошо освещены в темное время суток. Кроме того, по вечерам и до полуночи на улицах дежурят крепкие пенсионеры, чей возраст едва перевалил за пятьдесят: бывшие сталевары и вальцовщики, технологи и инженеры. Они считают себя «народной дружиной» и носят

на руках красные повязки.

Мне очень нравится наш поселок, но имеется одно *но* … Ложка дегтя в бочке меда. В поселке *все всех* знают, и как следствие – от зорких глаз общественности невозможно что-то утаить. Семейные тайны раскрываются здесь быстрее, чем появляются на свет. И с этим единственным неудобством в нашей жизни приходится мириться, чтобы не превратить ее в кошмар.

С этим пришлось столкнуться, когда Римма с детьми переехала в наш дом. Любопытные взгляды с месяц прожигали мне спину, соседи невзначай заводили разговор о том, как тяжело содержать слишком большую семью, кормить и воспитывать такую ораву детей, не тяжело ли общаться с больной женщиной, как можно уживаться с первой женой своего мужа, не затевает ли она скандалы, не строит ли козни, не плетет ли заговоры… Думаю, Сереже доставалось не меньше, но он был начальником, поэтому ему больше *советовали*, мне же выказывали чуть ли не соболезнование… Но я уже говорила о том, что умею переводить стрелки в нужном направлении, притом это была моя идея – поселиться всем вместе, чтобы Римма не чувствовала себя покинутой, а дети постоянно общались с отцом. Они его очень любят, даже Зина и Леша, которых он усыновил после того, как официально женился на Римме.

Сейчас у старших ребят свои семьи, и оба работают в той же компании, что и отец. Живут они в городе. Леша с женой

Верой и двумя детьми – в нашей бывшей квартире, а Зина с дочерью – в Римминой. Муж ее, Анатолий, – офицер и уже более года служит в Абхазии, в составе миротворческих сил. По этой причине он исправно снабжает нас мандаринами, и сейчас Зина с трехлетней Катюшкой гостят у него в Сухуми.

Я потыкала пальцем покрывшийся инеем кусок мяса. Нет, кажется, придется забыть о мясе и приготовить на ужин что-нибудь попроще. Конечно, Сережа неприхотлив в еде, однако я всегда стараюсь порадовать домашних чем-нибудь вкусненьким.

Но прежде следует приготовить мужу его «тревожный чемоданчик». Он всегда стоит наготове. И в нем есть все, что необходимо мужчине на первое время. Три пары чистых носков, бритва, туалетные принадлежности… Я добавляю лишь чистое белье, полотенце, носовые платки и рубашки. Затем придет черед рюкзака. В него надо упаковать походные сапоги на рифленой подошве, утепленную непромокаемую куртку, такие же брюки, свитер и шапочку. Обычно Сережа обходился только этим, необходимым для командировки набором вещей.

Но никогда он не брал с собой сразу два костюма. Ему хватало одного, того, в котором он отправлялся в дорогу. Еще он прихватывал плащ, или кожаную куртку, или дубленку, в зависимости от времени года. На этот раз он ничего не сказал про плащ. И я решила, что всегда успею снять его с вешалки. И все-таки два костюма – это слишком! В «тревож-

ный чемоданчик» они не войдут, придется доставать более вместительный чемодан с антресолей.

Размышляя подобным образом, я вошла в спальню и подошла к плательному шкафу. Так! Серый костюм я снимаю с вешалки и бросаю на кровать. Он абсолютно новый. Сережа надевал его один раз на корпоративную вечеринку. А вот светлый следовало осмотреть более тщательно, нет ли пятен, чистый ли воротник. И при необходимости почистить. Сережа очень любит этот костюм. Он крайне редко делает крупные покупки за границей, но его привез прошлой осенью из Германии. Он ему очень идет, и Сережа практически все лето из него не вылезает. И только дождь заставил его переодеться в более темную одежду.

Я придирчиво осматриваю пиджак. Вроде ничего, пройтись разве одежной щеткой…

– Мама! – истошно орет за окном Танька, а Редбой оглушительно гавкает.

От неожиданности я роняю на пол костюм и бросаюсь к окну. И вижу, как дочь с разбега повисает на шее у высокого красивого парня со спортивной сумкой через плечо, а он, обхватив ее руками, кружит вокруг себя. Редбой же носится взад-вперед по газону, громко лает и прыгает от восторга.

– Мама! Миша приехал! – Танька не смотрит в мою сторону. Знает, паршивка, что я реагирую на ее крики, как борзая на рожок загонщика.

Миша машет мне рукой и улыбается. А я в очередной раз

млею от счастья. Миша поразительно похож на Сережу. И я всегда представляю, как Сережа выглядел в его возрасте, и очень понимаю Римму, которую он просто заставил в себя влюбиться.

Брат и сестра тем временем прекращают свои игры и, обнявшись, идут в сторону Римминой половины дома. Машина, конечно, забыта. Но не кричать же мне на всю округу, что кто-то обещал помыть мне машину. Соседи тотчас разделятся на две группы. Первые обзовут меня лентяйкой, вторые посетует, каких ленивых детей воспитывают в семьях начальства.

Я окидываю взглядом двор. Нет, я до сих пор считала, что все идет слишком хорошо, и все-таки каждую минуту ожидала какого-нибудь подвоха.

Я отхожу от окна. Хватит уже балду пинать. Давно пора уложить Сережины вещи и заняться ужином. А еще перезвонить Людмиле… И хотя я дословно знала, какими эпитетами наградит меня подруга, решила по этому поводу не расстраиваться и, чтобы заглушить чувство вины, нажала на кнопку музыкального центра. Верка Сердючка тоже пыталась меня убедить, что все будет хорошо. Я этому поверила и направилась к валявшемуся на полу костюму, мысленно прикидывая, стоит ли чистить воротничок или он все-таки потерпит?

На первый взгляд даже незаметно, что костюм уже надевали. Если его хорошо пропарить, нагладить. Но тут мой взгляд споткнулся о яркое пятнышко, которое сразу бросилось мне

в глаза, потому что было абсолютно чуждым для этой комнаты. Я нагнулась. Под креслом валялась аккуратно свернутая обертка от шоколада. Ни я, ни Сережа, тем более Татьяна даже в припадке аккуратности не будем тратить время, чтобы столь тщательно сложить ненужную бумажку, которую требуется выбросить в мусорное ведро. К тому же утром я прошлась пылесосом по спальне…

Так откуда взялась эта бумажка, не ветром же ее занесло? Я не поленилась, встала на колени и выудила из-под кресла шоколадную обертку. Сердючка запела про заморского принца. Славная песенка, славный денек! Только почему эта обертка валяется под моим креслом? Я села на пол и развернула бумагу. И некоторое время не могла понять, что со мной происходит. Мне стало трудно дышать, в глазах зарябило… На бумажке четко виднелись отпечатки губ. Я сама так поступаю, если нет под рукой салфетки, а нужно снять избыток помады. Но это были не мои отпечатки и не моя помада… Так бывает, когда едешь в машине или находишься в общественном месте, когда салфетку неудобно или некуда выбросить, ты ее аккуратно складываешь и суешь в сумочку или мужу в карман пиджака… Пиджака? Она выпала из пиджака?..

Я на коленях подползла к валявшимся на полу пиджаку и брюкам и принялась быстро шарить по карманам. Никогда в жизни я не позволяла себе рыться в чужих вещах! Никогда! У меня тряслись руки, и вся моя пакостная душон-

ка тоже тряслась, когда я как бывалый карманник ревизовала содержимое карманов моего мужа. В первом ничего не нашла, во втором – носовой платок, но без следов помады. Слава богу, может, эта обертка попала к Сереже случайно? По-джентльменски помог незадачливой сотруднице… Только почему эта сотрудница красила при нем губы? Красила их после того, как съела шоколад? Ведь откуда-то должна была взяться эта обертка?

Я бросила на нее косой взгляд. Следы губ очень четкие, словно напечатанные или нарисованные, и лишь часть слегка размазалась. Но это говорит о том, что помада отличного качества и стоит приличных денег. На отпечатках хорошо просматривались бороздки. Их было немного, значит, владелица губ молода и наверняка хороша собой. Губы полные, красиво очерченные, помада очень темная… Выходит, брюнетка? Но кто из Сережиных сотрудниц имеет такие красивые чувственные губы и пользуется дорогой, но вызывающе темного цвета помадой?

Как я ни старалась, ни перебирала в памяти лица сотрудниц представительства, ни одна женщина не подошла под портрет, который я мысленно для себя нарисовала. «Фоторобот» в моем представлении выглядел неплохо, но он ничем мне не помог, кроме одного. Я поняла, что рядом с Сережей некоторое время находилась молодая брюнетка с ярко накрашенными полными губами, рисунку которых немудрено позавидовать. Ела при нем шоколад, красила губы, а он

заботливо подбирал за ней мусор. И что он еще там делал?

Я лихорадочно обследовала внутренние карманы пиджака. Пальцы натолкнулись на маленький пакетик. И я, даже не вытащив его на свет, поняла, что это такое. На ладони у меня лежала упаковка презервативов. Вернее, ее половинка, а вторая отсутствовала. И не нужно даже гадать, как она была использована. Естественно, по назначению.

Мне стало совсем плохо. Спазмы сдавили горло, я задыхалась и не могла сосредоточиться на главном. Как? Почему? Зачем? Если сгоревшая микроволновка – символ разбитой жизни, то подсказка пришла вовремя, а я того не заметила. Жизнь моя раскололась на две половины. И виной всему ненужное стремление к порядку. Ну с какой стати я полезла под кресло, что мне, других забот не хватает? Завтра пришла бы Тамара и заглотила пылесосом это проклятое подтверждение тому, что Сережа меня больше не любит.

Я замычала и, обхватив голову руками, принялась раскачиваться. Как же так? Он всегда так нежен со мной в постели, и я никогда не давала ему повода усомниться, что выполняю супружеские обязанности по принуждению. Честно сказать, я его частенько провоцирую, завожу до предела. И видел бы кто из его сослуживцев, в кого превращается их строгий и требовательный начальник в моих руках. Но, видно, я ошибалась, когда верила, что он принадлежит мне и только мне.

Я затолкала тонкое колечко латекса и шоколадную обертку – компромат на собственного мужа – в карманчик джин-

сового жилета и застегнула его на «молнию». Затем подняла пиджак с пола и швырнула на постель к его серому собрату. За ним последовали брюки. Но я, видно, слишком сильно метнула их, потому что они перелетели через кровать и приземлились по другую сторону. Что-то глухо брякнуло. Похоже на связку ключей. Я обошла кровать. Но ключей на полу не было видно. Я снова нагнулась. Связка из трех блестящих ключей притаилась за кроватной ножкой. Но я тоже их видела в первый раз. Они не от машины, не от нашего дома, не от офиса: и те, и другие, и третьи я держала в руках множество раз и ни с какими другими просто не могла спутать.

Я подняла связку и внимательно ее осмотрела. Ключи явно от квартиры. Новенькие! Значит, и замок – новенький. *Новенький замок на новеньких дверях новенькой квартиры*. Одно из двух: или эта связка принадлежит девице с губами, или Сережа встречается с ней на конспиративной квартире. Возможно, в одной из тех, которые представительство использует как гостиницу. А может, эти ключи от квартиры, которую он снимает или *купил* для своей содержанки? Тогда понятны его просьбы в последнее время – немного ограничить себя в расходах. Он уже предупредил меня, что в Грецию съездить получится, но на большие траты рассчитывать не стоит. И я смирилась с тем, что не куплю себе греческую шубу, потому что дела у комбината идут в этом году несколько хуже, чем ожидалось!

Признаюсь, я не накручивала себя, просто все лежало на

поверхности. Каждый день одни начальники спят со своими секретаршами, другие – купают стриптизерш в шампанском, третьи веселятся с девочками по вызову в саунах, четвертые… пятые… шестые… Я знала, что это повсеместное явление. Оно не обошло ни одного мало-мальски заметного мужика, потому что наличие денег и власти несказанно облегчают доступ к женскому телу. Но Сережа? Как он мог? Я никогда не сомневалась в нем… И вот!

Я подбросила ключи на ладони, потом снова посмотрела на них. А, была не была! И положила ключи в лифчик. Интересно, обнаружит ли Сережа их пропажу? И что при этом скажет?

– Анюта! – раздалось за окном.

Я выглянула наружу. На крыльце кто-то стоял. Я вытянула шею, чтобы разглядеть, кто именно, и увидела соседку, Галину Филипповну. Ей прилично за семьдесят, и обычно она еле передвигает ноги, если требуется сходить в магазин или съездить в аптеку. Но именно сегодня что-то заставило ее выйти из дома, спуститься в свой чистенький дворик, окруженный клумбами ноготков и бархатцев, а затем перейти улицу и заявиться ко мне в самый неподходящий момент.

Сегодня Галина Филипповна принарядилась – на ней красные широкие брюки, болтавшиеся на ее тощих бедрах, как алые паруса клипера «Секрет», и ярко-оранжевая футболка с надписью «Мисс Лучший Пирог» – подтверждение того, что она испекла лучший пирог на конкурсе, который

проводился в поселке накануне Восьмого марта.

Я подняла руку в знак приветствия и крикнула:

– Добрый день, Галина Филипповна! Вы ко мне? – хотя что за дурацкий вопрос? К кому другому она могла пожаловать, если стоит на моем крыльце?

Соседка хотя и утратила былые слух и зоркость, но до сих пор отличалась отменной болтливостью и острым языком. Я могла бы просто не выглянуть из окна, но тогда она поковыляет к Римме, а там Татьяна, и она непременно проболтается, что я дома. Не дай бог, если старуха замыслит, что я пряталась от нее намеренно, тогда точно от судов да пересудов не спасешься. Конечно, я могу ее быстренько выпроводить, тем более предлогов для этого у меня сверхдостаточно. Но тогда соседка устроит и вовсе изрядный переполох, сообщая каждому встречному-поперечному, что я задираю нос и думаю, если у меня муж большой начальник, то мне не обязательно ходить на работу. Куда проще своевременно поприветствовать соседку, избежав тем самым ненужных слухов и объяснений со знакомыми.

Не мне одной известно – если Галина Филипповна заглянула на огонек, ее никаким дымокуром не выкуришь. Но сейчас мне было не до разговоров. Два дня назад, когда я дежурила в библиотеке, Галина Филипповна меняла книги и между делом сообщала мне все сплетни, которые гуляли по поселку. Ничего интересного в них не было, и старуха, к счастью, быстро выдохлась.

Но без причины она не появлялась. А мне как раз никого не хотелось видеть. Несмотря ни на что, я должна уложить багаж. К тому же мне необходимо собраться с мыслями перед разговором с Сергеем. Мне не хотелось скатываться на примитивный скандал, но я не знала, как лучше поступить. Прижать к стенке вещественными доказательствами его вероломства? Съездить несколько раз по физиономии? Разбить о его голову фарфоровую супницу? И зачем ее жалеть, если твоя жизнь в мгновение ока тоже разлетелась на тысячи осколков?

А после банально развестись? Но что будет с Таней? Она души не чает в Сергее. С Мишей, который считает отца своим самым большим другом, а нас с Риммой, как я подозреваю, снисходительно терпит. С Риммой, которая дважды теряла мужей?.. Со мной, наконец?

Я испытывала чувство паники, по крайней мере была на грани истерики, и вместо того чтобы успокоиться и разложить все по полочкам, должна сейчас вступить в тары-бары с вздорной старухой.

В тот самый миг, когда Сердючка затянула новую песню, я выключила магнитофон и, направляясь к входным дверям, попыталась быстро догадаться, зачем Галина Филипповна пожаловала в мой дом.

Глава 3

Я открыла дверь, и Галина Филипповна просеменила в кухню. В руках она сжимала пластиковый пакет. И я с тоской подумала, что она пришла с очередной просьбой. Тогда она называет меня Аннушкой или Анютой. И считает, что имеет на это полное право. Давным-давно Галина Филипповна была моей учительницей. Первых три года учебы в школе. Когда мы переехали в поселок, она меня не узнала, но главный непарнокопытный дернул меня за язык, и я напомнила о себе. И даже показала фотографию, где мы были сняты всем классом. Галина Филипповна – в центре в белой блузке с огромным кружевным жабо и в черной юбке ниже колен, ей уже тогда было под пятьдесят, если не больше, и она казалась мне глубокой старухой. А вокруг нее тридцать мальчиков и девочек. Мальчишки с одинаковыми стрижками и в темных форменных костюмчиках, девочки в темных платьицах с белыми фартуками и огромными белыми бантами в волосах… Я сама с трудом нахожу себя среди одинаково лупоглазых физиономий и обилия капроновых бантов, но Галина Филипповна, удивительное дело, не узнав меня взрослой, тотчас обнаружила, что я стою во втором ряду третьей слева… Не зря говорят, что профессиональная память у учителей ничуть не хуже, чем у разведчиков.

Правда, с тех пор она прониклась ко мне светлыми чув-

ствами, и теперь весь поселок знает, что благодаря ей я научилась читать и писать и вообще всем хорошим во мне я обязана исключительно педагогическому таланту Галины Филипповны. Еще она считает своим долгом при всяком удобном случае поучать меня, делиться со мной местечковыми тайнами и давать поручения, от которых я не смею отказаться. Первая учительница, как первая любовь, иной раз изрядно докучает, но выбросить ее из памяти нестерпимо жалко.

Дети и внуки ее до сих пор живут в Таймырске, работают на комбинате, но, по слухам, в скором времени намереваются перебраться в наш поселок. Галина Филипповна живет одна в огромном доме и, конечно, радуется любому случаю поболтать с соседями. И я не осуждаю ее за это. Но только не сегодня! Сегодня она заявилась некстати.

– Как у тебя мило, Анечка! – прощебетала Галина Филипповна, оглядываясь по сторонам. – У тебя новые занавески?

Новым занавескам уже месяц, но я покорно киваю головой. Убеждать старую учительницу в обратном себе дороже станет.

– Славненькие! Славненькие! – Галина Филипповна подмигнула мне. – У тебя хороший вкус, Анечка. – Все это было произнесено таким тоном, словно мой хороший вкус тоже ее заслуга.

Гостья водрузила пакет на стул, сама, не дожидаясь приглашения, опустилась на соседний. «Все! Надолго!» – поду-

мала я. И тут же одернула себя. Галина Филипповна не виновата, что у меня скверное настроение! Сейчас нельзя ни с кем портить отношения. Не хватало еще прослыть грубиянкой и старушконенавистницей.

И вместо того, чтобы сразу спросить у Галины Филипповны, по какой причине она ко мне пожаловала, я предложила ей выпить чаю.

Старушка оживилась.

– Ты сегодня пекла печенье? – поинтересовалась она и быстро развернулась к столу.

Сегодня я не стряпала, но в холодильнике нашлось несколько пирожных, свежее малиновое варенье, а в вазочке конфеты. Галина Филипповна с удовольствием оглядела стол. Ест она как мышка, с одной конфетой может выпить чашки три чая, но за разговорами это может растянуться на час… Я включила чайник… Что ж, я сама загнала себя на галеры. Ну и дурацкий характер. Стоило только спросить, что ей от меня надобно, и, возможно, тогда не пришлось бы злиться на собственную бесхребетность.

– Анюта, милая… – Галина Филипповна выбрала конфетку, отхлебнула чайку и многозначительно посмотрела на меня.

У меня перехватило дыхание. На мгновение мне показалось, что она сейчас скажет: «Ты нипочем не догадаешься, что я слышала сегодня про твоего мужа», но она всего лишь спросила:

– У тебя все в порядке? Мне кажется, что ты устало выглядишь!

Я с трудом проглотила застрявший в горле комок.

– Сегодня я целый день на ногах. Перед отъездом много работы.

– Ах, как я тебя понимаю! – вздохнула Галина Филипповна и мечтательно закатила свои блекло-голубые глаза. – Греция! Колыбель мировой цивилизации… Как мне всегда хотелось там побывать! Но когда были силы и здоровье, мы жили в другом государстве. Железный занавес, Берлинская стена… – Она опять вздохнула, откусила конфетку и сделала новый глоток. Теперь ее взгляд подернулся ностальгической дымкой. – Но зато на мою скромную зарплату я могла каждый год ездить в отпуск к маме на Украину и даже на море. А где сейчас вы найдете учителя, который сумел бы себе позволить съездить на море?

Она хотела что-то добавить, но тут ей попался на глаза рюкзак, который я неосмотрительно оставила в прихожей.

– О! – Галина Филипповна, казалось, обрадовалась, что можно покончить с темой Греции и учительских отпусков. – Твой муж опять уезжает в командировку?

Я пожала плечами. Эту тему мне совсем не хотелось продолжать. Но она уже попала соседке на язык.

– Да, – произнесла она многозначительно. – Сергей Николаевич занимает высокий пост. Но эти командировки… – Она покачала головой. – Постоянные разъезды… Мужчинам

нельзя подолгу бывать вне семьи… Это их развращает.

Будь это сказано часом раньше, я бы непременно заступилась за Сережу, но сейчас только кисло улыбнулась. «Знала бы ты, как развращает, – подумала я. – И как бы ты сейчас выглядела, если бы услышала, что я нашла в его карманах».

– Да, на днях я видела Сергея Николаевича в городе. Я еще в библиотеке хотела тебе рассказать, да вылетело из головы. Когда это было? Дай бог памяти… – Галина Филипповна возвела очи горе. – Ах да! В пятницу на прошлой неделе. Я ездила в сберкассу и как раз их увидела…

– Их? Что вы имеете в виду? – спросила я как можно равнодушнее, подливая соседке чайку, но сердце свалилось в область желудка, и я почувствовала приступ тошноты.

– О! – Галина Филипповна многозначительно усмехнулась и погрозила мне пальцем. – Сергей Николаевич вышел из машины вместе с интересной брунеткой (она так и сказала – *брунеткой*). Они оба зашли в ресторан, знаете, на улице Чернышевского, «Оазис», кажется… На месте бывшей столовой. Я там раньше жила, хорошо все знаю…

Я прикинула в уме, где находится офис представительства и где улица Чернышевского. Сама я в том районе ни разу не бывала, тем более ничего не знала про ресторан «Оазис». Странное название, если учесть, что это почти окраина города, вдали от караванных путей.

– А, это Любаша, – сказала я как можно равнодушнее, – юрист комбината. Она приехала сюда в командировку на

прошлой неделе, и у них была важная встреча в «Оазисе» с иностранными партнерами. – Врала я вдохновенно, тем более что никакой Любаши-юриста в природе не существовало. – Я ее хорошо знаю. Сорокалетняя брюнетка с тонкими губами. В прошлом году мы вместе отдыхали в Испании.

– Нет-нет, – замахала руками Галина Филипповна. – Не сорокалетняя. Совсем молодая девица. Сергей Николаевич бережно так поддерживал ее под локоток. Яркая очень, высокая… И плечи, знаешь ли… Шея… Посадка головы. Мне показалось, что она балерина или танцовщица. – Старуха поджала губы и подозрительно посмотрела на меня. Похоже, она готова вынести свой вердикт?

Но я ее опередила.

– Так это Светлана! – воскликнула я с восторгом. – Референт Сергея. Молодая брюнетка с полными губами. Она еще увлекается темной помадой. Честно сказать, я люблю более естественные тона.

– Полностью с тобой согласна, – кивнула головой Галина Филипповна. Взгляд ее потеплел. – Чересчур яркая косметика придает женщине вульгарный вид. Референт Сергея Николаевича – весьма красивая девушка, но мне показалось, что в ней не хватает интеллигентности, а это очень важно для референта, ты не находишь? И потом, ее платье! Ярко-красное, с абсолютно голой спиной, и разрез сзади почти до талии. Женщины теперь стараются выставить все напоказ, словно на конской ярмарке, а где легкий флер таинственно-

сти, интрига, загадка?.. Все кануло в прошлое. Сейчас все оголено до неприличия… На, бери меня! Покупай! – Галина Филипповна сердито шлепнула ладошкой по столу. – В наше время если учительница приходила в школу в брюках, ее не допускали до уроков. Не разрешали носить золото и другие украшения…

Она перевела дыхание, и я поспешила перехватить инициативу:

– Светочка – очень хорошая девушка! (Если б Галина Филипповна знала, как мне хочется свернуть шею этой «хорошей девушке»!) Я уже говорила, что в «Оазисе» они проводили важную встречу, а после был банкет…

– А почему Сергей Николаевич был на банкете с референтом, а не с тобой? – Блеклые глазки, казалось, пробуравили меня насквозь. – Или теперь не поощряется ходить на банкет с женами?

– Почему же? – Я весело улыбнулась. – Но Сережа проводит столько важных совещаний, встреч, приемов, что мне пришлось бы забросить дом, если их посещать все до единого. Сами понимаете, женщине требуется гораздо больше времени, чтобы подготовиться к встрече. Поэтому я посещаю только особо важные мероприятия. – И, мысленно похвалив себя: «Молодец, как ловко вывернулась!», продолжала в том же духе: – А референт там присутствует всегда в силу своих обязанностей. И вечернее платье для нее вместо униформы.

– Ну да, да! – закивала головой Галина Филипповна и

вдруг лукаво погрозила мне пальцем. – А ведь я пришла по другому поводу. Не стану отрывать тебя от дел, просто хотела предупредить, что к тебе скоро пожалует гость.

– Шутите? Какой гость? – поразилась я. Гостей мне еще не хватало. Тем более неожиданных.

– Клим! Я его встретила сегодня возле аптеки. И сначала не узнала его. Он сам окликнул меня и спросил про тебя. Не уехала ли из города? – Галина Филипповна уставилась на меня. – Неужто забыла? Вы сидели с ним за одной партой в третьем классе. Ты все время жаловалась, что он дергает тебя за косы.

Я застыла с открытым ртом. Нет, меня поразили не закрома учительской памяти. Я чуть не упала со стула, когда услышала это имя. Клим! Клим Ворошилов! Самая первая и самая большая ошибка в моей жизни.

– Клим? – переспросила я, изо всех сил стараясь, чтобы мой голос не дрогнул. – Нет, не помню. Наверное, он рано перевелся в другую школу.

– Что ты! – всплеснула руками Галина Филипповна. – Как ты могла его забыть?! Вы учились вместе девять классов, но в десятом он ушел в техникум. Черный такой, волосы до плеч. Его часто вызывали на педсовет. Он постоянно пропускал уроки, ввязывался в драки и гонял на мотоцикле. Он еще мне доставлял массу хлопот, а в старших классах в него словно бес вселился.

– Теперь вспомнила! – Мне нелегко далось это признание.

Но не могла же я признаться Галине Филипповне, что я не только помню Клима, а очень часто его вспоминаю. Он доставил мне много неприятностей, он изводил меня постоянно, и я никак не могла объяснить его такую стойкую неприязнь ко мне. Но в девятом классе он застал меня в пустом классе и запер дверь на швабру. Я чуть не выпрыгнула из окна от ужаса, но Клим успел схватить меня за косу (после этого я от нее избавилась), повалил на стол и принялся целовать. Так целовали меня впервые в жизни, но я живо сообразила, чем это грозит, тем более что Клим полез мне под юбку. Я заорала, вырвалась и опрокинула на него аквариум. Все случилось в кабинете биологии, где я поливала цветы. После я схватила швабру и огрела его по голове и еще раз по спине.

Клим упал на колени, из рассеченной головы текла кровь. Он стоял передо мной мокрый, жалкий, весь в порезах. Я занесла швабру в третий раз, меня трясло от ярости, и тогда он тихо, глядя в пол, сказал:

– Я давно хочу с тобой дружить!

– Пошел вон! – заорала я как бешеная. Слезы текли по щекам. Но я достала в лаборантской аптечку и как могла забинтовала ему голову. На следующий день мне учинили нехилую разборку в учительской за разбитый аквариум, погибших рыбок и устроенный разгром в кабинете биологии. Все бы обошлось, ведь я была лучшей ученицей в классе, а родители хоть и выругали бы меня, но купили бы школе новый

аквариум. Но вмешался Клим. Он ворвался в учительскую. Не помню, что он кричал. Он вытолкал меня в коридор, а сам остался на съедение педагогам… До конца учебного года оставалась неделя, но в класс он больше не вернулся.

Несколько лет мы не виделись. Говорили, что он поступил в речной техникум и уехал из города. Через год я отправилась в Москву. Окончила факультет журналистики МГУ, работала в газете… Я и думать забыла о Климе. И вдруг он напомнил о себе… Заявился в редакцию, отыскал меня. Я не поверила своим глазам! В приемной главного редактора меня ожидал высокий загорелый красавец в форме речника. В руках он держал букетик анютиных глазок. И я потеряла дар речи. Сколько лет подряд я находила эти букетики то на подоконнике своей комнаты (при том, что мы жили на третьем этаже), то в почтовом ящике, а то воткнутыми в дверную ручку.

Я перебирала в уме всех своих знакомых, кого-то просто припирала к стенке, кого-то уговаривала признаться, но ни один из них все равно не подходил под образ романтического влюбленного, способного на подвиги ради своей любимой.

И вот…

– Анечка! Милая!

Что-то мягкое коснулось моего лица, и я вздрогнула.

Галина Филипповна махала перед моим лицом платочком.

– Что с тобой? Ты так побледнела!

– Нет, все хорошо! – Я улыбнулась. – Столько забот!

– Я понимаю! Ох как понимаю! Такая семья! Но ты держись! – Галина Филипповна поднялась на ноги и засеменила к выходу. На пороге остановилась и послала мне воздушный поцелуй. – Спасибо за чай! – И игриво подмигнула. – Пока, пока, радость моя! Как-нибудь забегу, поболтаем о школе!

– Конечно, конечно, – вежливо бормотала я. – Буду очень рада!

Я шла следом за Галиной Филипповной, и мне казалось, она никогда не покинет мой дом. И тут я увидела, что она забыла свой пакет. О боже! Сейчас вспомнит, вернется, и все начнется сначала!

– Галина Филипповна! – Я себе не поверила, что могу так истошно орать. – Ваш пакет! Вы забыли свой пакет!

Моя первая учительница обернулась. Лицо ее прямо-таки лучилось счастьем.

– Голубушка! Там книги! Замени их, пожалуйста, на новые. Что-нибудь из любовных романов. – Она шутливо погрозила мне пальцем. – Но я полагаюсь на твой вкус. Никаких откровенных сцен.

И, держась за перила, Галина Филипповна стала медленно спускаться по ступенькам крыльца.

Я прислонилась головой к косяку. Ноги дрожали и подгибались. Она пришла для того, *чтобы я заменила ей книги в библиотеке*! С ума сойти, а я подумала, чтобы меня прикончить!

Итак, Клим Ворошилов вернулся. Человек с самым нелепым именем из всех, какие я знала. Кто-то мне сказал, что Климом его назвала бабушка или, кажется, прабабушка, чей муж когда-то служил в Первой конной. Сейчас мало кто помнит о герое Гражданской войны, настоящем Климе Ворошилове, но для меня это имя связано только с одним человеком. И вот он появился. Да еще собирается завалиться ко мне в гости.

Я с трудом отлепилась от косяка и поплелась домой. В прихожей под ноги попался рюкзак, и я изо всех сил пнула его ногой, вместив в этот удар всю свою нерастраченную злость.

Черт возьми, только накануне жизнь радовала меня и ничто не могло поколебать мою уверенность в том, что я самая счастливая женщина на свете, и вот все полетело вверх тормашками. Сначала я нахожу весомые улики Сережиного предательства, а теперь еще Галина Филипповна подлила масла в огонь! Зато сейчас я на сто процентов уверена, что Сережа встречается с этой девкой.

Одно успокаивает, что Галине Филипповне она показалась вульгарной, значит, из той категории, которую называют «девочками для удовольствия». Б-р-р! Я почувствовала, как моя кожа покрылась мурашками. Когда их Галина Филипповна видела? В пятницу… Я опять передернулась от отвращения. Сережа вернулся во втором часу ночи. Я не бес-

покоилась, он и впрямь что-то говорил о важной встрече с иностранными партнерами. От него слегка попахивало хорошим коньяком, но он никогда не переступал ту грань, когда человек становится откровенно пьяным.

Я помню этот день еще и потому, что он привез мне огромную розу. Говорил, что стащил ее из официального букета. Я хохотала, представив, как он крадется к этому букету… А он показывал мне свой исколотый палец, я дула на него и целовала, чтобы быстрее затянулись ранки. После этого он принес из холодильника бутылку шампанского. И мы ее распили, заедая мандаринами Зининого мужа. А потом… Меня затошнило. После этой девки он спал со мной и говорил, что я самая лучшая, самая сладкая, самая любимая… Выходит, есть менее сладкие и менее любимые, если он после них бежит ко мне. Но это слабое утешение!

Тут я вспомнила, как мы славно провели субботу и воскресенье. Сережа вывел из гаража свой джип, которым он не пользуется в городе. Миша и Таня страшно огорчаются по этому поводу. Вся местная крутизна ездит по городу на внедорожниках, со сверкающими «кенгурятниками» и массой прочей блескучей дребедени.

Сережа этого не признает. Внедорожник не создан для города, говорит он, и как любая полноприводная машина с ручником приносит массу неудобств. Медленно разгоняется на светофорах, бензин жрет, как свинья. Если ребята наседают на него, он обычно отшучивается, а мне сказал,

что большими машинами мужчины пытаются компенсировать маленькое достоинство. Я поняла и не стала докучать ему просьбами позволить мне прокатиться на джипе до кафе, где мы обычно встречаемся с Людмилой.

Но в субботу мы загрузили в джип все наше семейство. В него входит даже Риммина коляска, и отправились в горы. Погода стояла чудесная. Мы весь день провели на берегу горного озера. Языком к нему спускается длинный, километра полтора, снежник. Сережа и Миша катались на горных лыжах, потом Миша выделывал пируэты на сноуборде. Мы с Танькой демонстрировали чудеса храбрости, спускаясь с горки на кусках клеенки. Римма снимала этот взрыв восторга на видеокамеру.

Ярко светило солнце, снег блестел так, что мы весь день оставались в солнцезащитных очках. Темно-зеленые пихты тянулись к небу, громко журчали ручьи, и глухо рокотал неподалеку водопад. Мы остановились в деревянном домике для особо важных персон, но от остальных домов турбазы он отличался только тем, что подходы к нему были вымощены щебенкой. Вечером мы парились в бане. Сережа и Миша выскакивали из парной и с мостков бросались в ледяную воду. А мы с Риммой хохотали до упаду и закрывали Таньке глаза: хоть и родня, но пялиться на голых мужиков ей еще рановато…

У меня опять перехватило дыхание, а кожа покрылась пупырышками. И я выругалась. Во весь голос, чего давно себе

не позволяла. Но это было единственное на данный момент средство не впасть в истерику. Не хватало довести себя до нервного срыва. Я сжала кулаки и прошла на кухню. Решимость переполняла меня и плескалась через край.

Первым делом я должна приготовить ужин. Никто – слышите? – никто не заставит меня потерять уверенность в себе!

Глава 4

Надо бы сходить на огородик и нарвать свежей зелени. Я выглянула в окно. Татьяны не видно. Я вспомнила, что за собственными переживаниями совсем забыла о ребенке. Но с голоду она не умрет, Римма в любом случае заставит ее пообедать. Впрочем, если она с Мишей, то с едой вообще проблем не будет. Танька готова съесть слона, если Миша попросит. Чтобы попасть в огород, надо выйти из дома, а мне этого страшно не хотелось, здесь мой бастион, мой редут. И мне казалось, что стоит покинуть его, как вокруг сразу соберется толпа. Все будут показывать на меня пальцем и шептаться: «Вот она! Она! Та, которой изменяет муж!»

Я открыла окно и облокотилась на подоконник. Внизу раскинулись мои роскошные клумбы, вовсю зеленели газоны. Благоухали цветы, над ними сновали пчелы, бабочки, стрекозы. В ближнем лесу стучал по дереву дятел. Мир не перевернулся, и все находилось на своих местах – кирпичный забор и стальные ворота, затянутая хмелем беседка, где мы любим по вечерам пить чай всей семьей, синий велосипед дочери, а рядом – сверкающий деталями Мишин спортивный красавец. Вероятно, они снова собрались на рыбалку.

Тут я увидела прислоненный к крыльцу чехол со спиннингом и удочками, лежавший рядом мешок с резиновой лодкой

и поняла, что моя догадка верна. Значит, до ужина наших детей можно не ждать. У всех свои дела, свои заботы, и только я стою здесь одна, стою на трещине, которая расколола мою жизнь на две неравные половинки.

Мне стало нестерпимо жалко себя. И, видимо, эта непомерная жалость отрезвила меня окончательно. Я представила себя со стороны. Растрепанная, с заплаканными глазами, я рву на себе волосы, катаюсь по полу. Словом, веду себя как героиня дурацкого телесериала. Обычно они так и начинаются – с глупого недоразумения, которое любой идиот разведет одним пальцем.

Затем на протяжении десятка недель и сотни часов эфирного времени герои грызутся между собой, строят козни и орут друг на друга, вместо того чтобы спокойно обсудить свои проблемы, как взрослые разумные люди. Но буквально в последние пять минут они договариваются, все разъясняется и благополучно заканчивается, а на экране появляется очередной рекламный ролик. Как все смешно и нелепо. И я хочу опуститься до подобного непотребства? Нет, все, что нужно, – это предъявить Сергею, когда он вернется домой, презерватив и шоколадную обертку. А ключи я ему покажу напоследок, чтобы навсегда поставить точку в этом вранье.

Дальние горы и близкий лес вдруг подернулись серой пеленой и, дрогнув, поплыли у меня перед глазами, а содержимое желудка подступило к горлу. Только теперь я осознала, что несколько секунд не дышу. Я втянула полной грудью

свежий после дождя воздух и ощутила, как в ушах застучала кровь.

«Думай! Прекрати паниковать!» – приказала я себе. Кое-что я могу сделать немедленно – например, не позволить вновь обмануть себя. Уже завтра я подам на развод. Я кивнула собственным мыслям и тут же почувствовала себя полнейшей дурой оттого, что стою в одиночестве на кухне и киваю самой себе.

Но я так и не решилась сходить за зеленью. Что ж, иногда я позволяю себе схалтурить. Раньше – по причине чрезмерной занятости, сегодня – из-за растрепанных чувств. В холодильнике хранится несколько упаковок замороженных овощных смесей и грибов, можно приготовить овощное рагу. А если еще стушить мясо… М-м-м! Пальчики оближешь! Нет, что бы ни случилось, Сережа должен понять, что в этом доме его кормят, как нигде в мире.

Я решительно подступила к мясу, но оно до сих пор напоминало по твердости булыжник и лишь слегка подтаяло по краям. Я швырнула его на разделочную доску. Но оно отлетело в сторону и заскользило по пластику кухонного стола, норовя свалиться на пол. Я вовремя его подхватила и критически оглядела со всех сторон.

Ну и что дальше? Как его быстро разморозить? Микроволновка сломана. Женщина с чувствительной душой непременно усмотрела бы в этом событии перст судьбы. К счастью, я никогда не страдала излишней чувствительностью. И с кус-

ком мяса справлюсь непременно.

Я попыталась отрезать кусочек, но чуть не сломала нож. Тогда я открыла ящик стола и вынула оттуда огромный разделочный тесак. Мясо лежало на столе, холодное и неприступное. Я примерилась к нему, размахнулась и попыталась сильным ударом вогнать тесак в кусок мяса, но лезвие соскользнуло, оставив на пластиковом покрытии стола глубокую царапину. Боже! Этого еще не хватало! Я провела пальцем по царапине. Придется менять пластик. Хотя почему это меня волнует? После объяснения с Сергеем я перееду к маме, вернусь в газету, меня там возьмут с распростертыми объятиями. А эта царапина пусть остается на память Сергею. Только заживет ли царапина в моем сердце?

Я стояла, тупо смотрела на кусок мяса и сжимала в руках тяжелый тесак. И думала про эту девицу. Кто она? Та, что разбила мою семью? Новая секретарша Сергея? Или какая-нибудь девка из боулинг-клуба, куда он забегает иногда по вечерам? Кто-нибудь из партнеров, вернее, партнерш, с которыми он часто встречается? Или примитивная танцовщица ночного клуба? Только теперь я поняла, что слишком мало знаю о той жизни, которую вел Сережа вне дома. Ведь я ему так доверяла! И все его сотрудницы были для меня на одно лицо, пока я не обнаружила эту проклятую обертку с отпечатками губ.

Впрочем, что мне за дело, с кем он мне изменил, кто она и когда это случилось?

Я навалилась на тесак, чтобы он глубже вонзился в мясо. Если это случилось однажды, какая разница, с кем он переспал. Главное, Сережа предал меня, он виноват передо мной. И перед Таней. Господи, как я скажу ей, что ухожу от ее отца?

Я приподняла кусок мяса с застрявшим в нем тесаком и снова опустила его на стол. Гори все ясным пламенем. Сейчас я пойду к Римме и сообщу ей это сногсшибательное известие, и мы вместе решим, что нам делать дальше…

И тут раздался звонок в дверь. И одновременно с ним зазвонил телефон. Я бросилась в прихожую. Нет, только не Сережа, только не Сережа… Я не смогу разговаривать с ним как прежде, и он сразу поймет, что что-то не так, и примчится домой. А я еще не готова, мне надо посоветоваться с Риммой и, может быть, с Людмилой. Она разводилась три раза, у нее богатый опыт…

Я подняла трубку. К счастью, звонила Римма. И голос ее был веселым.

– Эй, мать, – сказала она, – дуй сюда! Будем пробовать блюда для гостей. Всего понемножку, но блюд прорва, поэтому хватит всем! И выпить найдется.

Выпить? Конечно, выпить. Совсем немного, чтобы собрать в кулак раздрызганные нервы и чувства.

– Бегу! Бегу! – ответила я весело.

И в этот момент звонок в дверь повторился. Я крикнула:

– Иду! – а в трубку сказала: – Кто-то звонит в дверь. Пойду

открою.

– Какой-то мужик стоит у тебя на крыльце, – сообщила мне Римма. Я совсем забыла, что ее окно выходит во двор. – Здоровый, высокий. Волосы длинные, стянуты резинкой. Ты знаешь, кто это? Может, послать Мишу? Пока не пускай его в дом, поговори с ним через дверь. Я подожду у телефона, пока ты выяснишь, что ему нужно.

– Кажется, я знаю, кто это. Ко мне обещался заехать в гости бывший одноклассник. Но я не ожидала его так скоро. Все в порядке, – сказала я. – Пойду открою. Целую. – Я повесила трубку и вдруг подумала – если я открою сейчас дверь, а там затаился маньяк-убийца? Он меня прикончит, а потом Римме придется объясняться со следователем: «Я говорила ей, не вешай трубку, но она не послушалась». Соседи со смаком примутся обсуждать подробности и злословить по поводу моей непроходимой глупости. Обычно людская молва преследует человека даже после смерти, и, возможно, я, собираясь открыть дверь незнакомцу, делаю к этому первый шаг. Но зато у капитана Симакина наконец-то появится работа.

И хотя я сказала Римме про одноклассника, мне совсем не хотелось видеть Клима Ворошилова, особенно сейчас. Всякий раз, когда у меня возникают неприятности, каковыми я считаю размолвки с Сережей, Клим, словно поплавок, неизменно выныривает из глубин моей памяти. «Все могло кончиться хуже некуда, – успокаивала я себя. – Я могла выйти

замуж за Клима Ворошилова». Но если забыть о том, что мое нынешнее положение тоже хуже некуда, то он не такое уж неприятное воспоминание. К тому же за десять лет, миновавших с того дня, когда он, по сути, изнасиловал меня в своем гостиничном номере, он вполне мог исправиться. И если ласковый и милый Сережа оказался негодяем, то почему бы Климу не стать приличным человеком?

Третий звонок прозвучал негодующе, и я, не спрашивая, кто там, распахнула дверь.

Что ж, другого просто не могло быть. На залитом солнцем крыльце стоял Клим Ворошилов. И он вновь вторгся в мою жизнь по воле моей первой учительницы и злодейки судьбы. Он выглядел прекрасно, невзирая на десять прошедших лет.

Клим весело сказал:

– Привет, Аня, – словно мы вчера с ним расстались.

Сейчас ему, как и мне, тридцать четыре. И при взгляде на него, нынешнего, мне пришлось внести существенные поправки в свои воспоминания о том, каким он выглядел в двадцать четыре года. Клим подрос, плечи под синей джинсовой рубашкой стали еще шире, но темные волосы были так же густы и собраны сзади в хвостик, брови по-прежнему сходились на переносице, отчего казалось, что он всегда смотрит исподлобья. Все те же жгучие темные глаза и широкая детская улыбка.

– Я не вовремя? Но Галина Филипповна сказала, что ты не работаешь и всегда дома. И еще она сказала, что я в любой

момент могу заскочить к тебе в гости. – Клим говорил все это веселым, легкомысленным тоном, и ухмылка его никуда не девалась, но глаза смотрели настороженно. Понятно! Боится получить еще одну оплеуху, которую я закатила ему после того вечера в гостинице?

Но я теперь замужняя дама, и с какой стати ему копить обиды в течение десяти лет? Я молчала, не зная, что сказать. Клим отступил на шаг и нахмурился. «А почему бы нет? – подумала я. – Почему бы не пригласить его в дом?» И все же что-то удерживало меня на пороге. Я цеплялась за ручку двери, как утопающий за соломинку, и не сводила с него глаз. Со стороны это, наверное, смотрелось забавно, если бы не было так серьезно для меня.

Клим нагнул голову, впился взглядом в мое лицо и на минуту стал похож на подростка, неуверенного в себе и оттого вдвойне опасного. И тут я вспомнила, что Клим бывал особенно страшен, когда выглядел таким вот беззащитным, хотя это случалось очень редко. Судя по тому, как разворачивались сегодняшние события, ухажер, которому я в свое время дала отставку, вполне мог явиться ко мне с гранатой в кармане.

– Что, скверный выдался денек? – спросил он.

Только этого мне не хватало. Даже Клим, который ни сном ни духом не ведает о моих неприятностях, прочитал все на моем лице. Я сердито посмотрела на незваного гостя.

– С чего ты взял?

Клим указал на мою правую руку:

– У тебя нож. И хмурое лицо.

Я опустила глаза и увидела, что мои пальцы все еще сжимают ручку тесака.

– Я готовлю мясо, – сообщила я.

Клим кивнул, но взгляд его от этого не стал добродушнее.

– Ага. Все ясно, – сказал он. – Но ты разве не пригласишь меня попить чаю?

Я не поверила своим ушам. Еще час назад жизнь казалась мне безоблачной, и вот теперь я разговариваю с Климом Ворошиловым, которого до сегодняшнего дня считала своим самым большим беспокойством в жизни. Но мой ненаглядный муж сегодня резко вырвался вперед, обойдя Клима сразу на несколько позиций.

– Галина Филипповна предупредила меня о том, что ты вот-вот заявишься, но я почему-то не поверила.

Клим не спускал взгляда с тесака, вероятно, побаивался, что на этот раз я ему отрублю голову. Но на последней фразе поднял взгляд и посмотрел мне в глаза.

– Придется поверить. Так как насчет попить чайку?

Чтоб его черти взяли! Я махнула рукой, отгоняя надоедливую муху. Кажется, скоро зарядит дождь, оттого мухи так и липнут ко всему живому и теплому.

– Послушай, Клим, сейчас я очень занята…

И тут он молниеносно выхватил у меня тесак. Я вскрикнула от неожиданности и уставилась на свою опустевшую ла-

донь.

– Не обижайся, Аня, но мне показалось, что ты готова оттяпать мне башку. – Клим сбежал с крыльца и всадил тесак по самую ручку в цветочную клумбу у ступеней. Двигался он легко и свободно, только джинсы у него были, как бы это деликатнее сказать… Судя по всему, он щеголял в них с того момента, как мы расстались, лет десять, если не больше. Я хорошо помню, во что он был одет в тот злополучный день в той злополучной гостинице: синие джинсы и белая футболка…

Но сегодня его джинсы основательно поистерлись на швах, да и рубаха выглядит не лучшим образом, вся в грязных пятнах – то ли ронял на нее ветчину, то ли пролил солярку.

Но надо было принимать решение. Клим поднялся на крыльцо и вновь улыбнулся, и я готова поклясться, что на его лице играла та самая улыбка, которую я помнила со школы, – радостная и одновременно сулящая всяческие неприятности. И как я ни противилась, как ни ругала себя, я все же не смогла устоять. Когда-то меня чуть не сгубило подобное легкомыслие.

Но есть мужчины, в присутствии которых моментально забываешь, о чем тебя предупреждала мама и беспокоились строгие учителя в школе. Одним словом, я на все плюнула с гигантской секвойи, как пишет моя любимая писательница Екатерина Вильмонт, и свернула боевые знамена перед его

улыбкой. Что ни говори, но в облике этого негодяя есть та самая чертовщинка, которая заставляет людей улыбаться в ответ, даже в том случае, когда они четко понимают, что этого не следует делать. Ни в коем разе! Ни при каких обстоятельствах!

Да, я не сумела остаться холодной и неприступной, но зато я сумела перевести дух, и в ту же секунду ослабло напряжение, сковавшее мне шею.

– Прости, Клим. У меня действительно выдался пакостный денек.

Он кивнул, дружески и сочувственно, а я вдруг вспомнила, что заставило меня прийти к нему в гостиницу десять лет назад. Отнюдь не красивая форма…

– Это оттого, что ты не работаешь, – заявил Клим. – В газете ты была в центре всех событий. Ты привыкла к этому ритму. Ты не находишь выхода своей энергии. Вот поэтому все кажется тебе скверным.

Я с удивлением посмотрела на него. Где он так насобачился говорить? И проповедовать прописные истины, которые мне давно и хорошо известны? Но он не знает об одном. Я совсем не скучаю по газете. До сегодняшнего дня я была очень счастлива тем, что облегчаю жизнь своим домашним, ухаживаю за ними, кормлю, успокаиваю, воспитываю, иногда сержусь, иногда ругаю, и это все называлось любовью. И разве я могла променять ее на то, чтобы *находиться в гуще чужих событий*. Событий для меня и в собственном доме

хватало. Только я не предполагала, что все это так быстро закончится. А в начале и в конце этой цепочки – Клим. Как гвоздь в сапоге, как заноза в пятке, как парные кавычки в начале и в конце фразы «моя счастливая семейная жизнь».

– Кстати, ты прекрасно выглядишь!

До меня с трудом дошло, что Клим делает мне комплимент.

Я бросила взгляд на свою выглядывавшую из-под жилета, замызганную на животе футболку.

– Ты хочешь мне польстить? Напрасно! Я не поддаюсь на дешевую лесть.

В этом месте полагалось развернуться и уйти, но я стояла на пороге как приклеенная. В ином случае я бы почувствовала неловкость. Грубить гостям, даже незваным, я отучилась в далеком детстве, когда мама за подобную провинность оттаскала меня за ухо.

Но от Клима мои грубости всегда отскакивали как от стенки горох.

– Никакой лести, – сказал он, улыбаясь. – Ты и действительно чудесно выглядишь. Прямо как в школе. В старших классах ты была самой симпатичной девчонкой. – Он не сказал «красивой», а именно «симпатичной», так, как обычно говорили ребята в то время о девчонках.

Я с подозрением уставилась на него. С чего вдруг такие комплименты? Прошло семнадцать лет, половина жизни, как я окончила школу. Было всякое за это время. Хоро-

шего – побольше, плохого – поменьше, но все плохое как раз связано с Климом да еще с отцом, который неожиданно покинул нас двадцать лет назад, променяв нашу красавицу маму на страшненькую, но более молодую кассиршу билетной кассы на автовокзале. А сейчас к этому списку прибавился Сережа… Я встряхнула головой, чтобы сосредоточиться на главном. Зачем Клим пожаловал ко мне?

Не иначе ему что-то нужно! Сейчас, после подтверждения факта измены Сережи, его слова звучали для меня почти оскорблением! Я не могу выглядеть сегодня «как в школьные времена». И все он лжет! Лжет, чтобы задобрить меня! А ведь сразу понял по моему лицу, что у меня что-то не в порядке. Но я не подала виду, что насторожилась.

– Спасибо, – ответила я. – А теперь говори: ради чего ты сюда притащился?

Клим неожиданно смутился, видно, не ожидал подобного напора, но, впрочем, ненадолго.

– Мы разоружились, обменялись официальными приветствиями, но еще не перешли к мордобою. Поэтому объясняю. В городе я по делам и совершенно спонтанно решил навестить тебя. Надеюсь, твой муж не вызовет меня на дуэль?

И, хотя последние слова Клим произнес крайне любезно, я поняла, он не забыл о моей оплеухе. Но голос его звучал ровно, и я бы усомнилась в своих предположениях, если бы не его взгляд, который стал еще мрачнее и настороженнее.

Ну Клим! Ну сукин сын! Как виртуозно ты научился вы-

ражаться! Я окинула его взглядом. Да, крепок и силен, Римма не ошиблась! Пожалуй, мне его не вытолкать, а тесак далеко и едва виднеется на клумбе.

– Нет. На дуэль он тебя не вызовет, – ответила я не слишком дружелюбно. Вернее, откровенно огрызнулась. А потом все-таки надавила ему на грудь ладонью. – Прости, Клим! Но мне некогда чаевничать. Масса дел, понимаешь? Давай как-нибудь в другой раз! Прощай!

Я попыталась закрыть дверь, но Клим поставил ногу в массивном ботинке на порог, не позволяя мне сделать это.

– Минутку. Я не шучу. Можешь не поить меня чаем, но дай мне четверть часа… Я хочу с тобой поговорить!

– Нам не о чем разговаривать! – сказала я самую избитую фразу на свете и не удержалась, съязвила: – Когда-то ты предпочитал действовать, а не разговаривать. Но теперь больше преуспел в разговорах?

Глаза Клима сузились. Я, кажется, переборщила. Нет, он не сделал ни одного угрожающего жеста, но я почему-то отступила назад, а взгляд невольно остановился на лестнице-стремянке, которую никто не удосужился убрать с тех пор, как электрики ремонтировали оборванные недавним ветром электропровода. Если уронить на него стремянку, мысленно прикинула я, это будет не столько болезненно, сколько обидно. Грохот услышат у Риммы, и Миша с Танькой примчатся ко мне на помощь.

Но до стремянки нужно было дотянуться, а Клим, как буд-

то проникнув в мои тайные замыслы, решительно шагнул через порог, окончательно разлучив меня с орудием возмездия. Теперь он стоял почти вплотную ко мне, и я вдруг заметила, что он гораздо крепче и шире в плечах, чем казалось на отдалении. Его сила и уверенность просто перли из него. Клим Ворошилов и впрямь стал настоящим мужчиной.

А я так и не повзрослела. Внешне я, конечно, изменилась. И Клим на самом деле врет, что я выгляжу ничуть не хуже, чем в школе. Но в душе я так и осталась легкомысленной и нерасчетливой пятнадцатилетней девчонкой, свято верящей в честное слово и в то, что нельзя целоваться без любви. В том-то и беда, что я до сих пор в это верю!

Клим усмехнулся.

– Аня! Ты мне хамишь? Специально, чтобы вывести меня из себя? Но разве ты не помнишь, чем это тебе грозит?

Я выставила перед собой ладони. Если бы не его намеки, я, наверное, в конце концов пригласила бы его в дом. Но тут я взорвалась.

– Проваливай! – закричала я откровенно базарным тоном. – Тебе мало, что ты обращался со мной как с грязной тряпкой? Я не хочу тебя видеть! Я на тебе поставила крест! Большой и жирный! У меня семья, дочь! Я не хочу, чтобы ты болтался в моем доме, когда вернется Сережа.

– Так это Сережа? – ухмыльнулся Клим. – Тот безмозглый инженеришка, что подтирал тебе сопли, когда ты сбежала от меня?

Я сжала кулаки и стиснула зубы. С каким наслаждением я вонзила бы сейчас тесак в эту надменную, холеную, наглую физиономию! По самую ручку, как не смогла это сделать с куском мяса.

– Ладно, ладно. – Клим нахмурился. На мгновение его лицо стало холодным, и желваки выступили на скулах. Вероятно, он тоже подумал про тесак, и мне сделалось не по себе.

Но он сделал шаг назад и виновато сказал:

– Прости, я забылся. Прошло десять лет, и многое изменилось. Ты не возражаешь, если я приглашу тебя поужинать со мной? Например, завтра. У тебя есть сотовый? Если хочешь, я позвоню…

– Возражаю. И даже очень. – Я пнула ногой ботинок Клима, он отдернул ногу, и мне наконец удалось захлопнуть дверь. Я прислонилась к ней спиной, удивляясь тому, как быстро вышла из себя. Но возможно, это и к лучшему. Встреча с Климом – генеральная репетиция перед разговором с Сережей. Мой «безмозглый инженеришка» оказался очень ловким и сообразительным по части плотских удовольствий. Я помотала головой, чтобы избавиться от ненужных ассоциаций. Я не хотела себе признаваться, но, похоже, Клим вызвал во мне совсем не те ощущения, которые я должна была испытывать при его появлении. Мне бы проломить ему голову тесаком, а я так покорно позволила забросить свое единственное оружие в клумбу.

Я решительно направилась в прихожую и снова пнула

рюкзак. В моей жизни было всего двое мужчин, и оба пытаются сотворить из меня полную дуру. Впрочем, черт с ними!

– Мама!

Я испуганно оглянулась. Боже, Танька стояла за моей спиной с небольшой кастрюлькой в руках.

– Вот, голубцы, – протянула она мне кастрюльку. – Тетя Римма передала вам с папой на ужин. Но сказала, чтобы сильно не наедались. Она ждет вас в гости к восьми.

– Папа уезжает в командировку, – сказала я и взяла кастрюльку. – Он должен позвонить тете Римме и извиниться.

Но Таня меня не слышала. Командировки отца были для нее столь же привычны, как компот на третье в детском саду. К тому же из своих поездок Сережа всегда возвращался домой с подарками. Я вспомнила об обнаруженных в его пиджаке «подарках», и мне опять стало так тошно, хоть волком вой! И я поняла, что ничего с утра не ела.

Я быстрым шагом направилась в кухню. Надо срочно включить плиту! На ходу я приподняла крышку, выудила один из голубцов и затолкала его в рот. На удивление, он там поместился. Покрытые соусом пальцы я облизала и только тогда вспомнила про салфетки. Не зря говорят, голод превращает человека в грубое, нецивилизованное существо! Впрочем, ревность тоже!

Татьяна дернула меня за футболку.

– Мама! А что это за дяденька, с которым ты разговаривала? Кто он? Такой забавный. Ты закрыла дверь, а он как

топнет ногой. А потом не сошел, а спрыгнул с крыльца. Даже меня не заметил. – Дочь с видом опытного секретного агента приподнялась на цыпочки и, приблизив свои губы к моему уху, прошептала: – У него очень красивая машина. Лучше, чем у папы. – Она покраснела. Видно, признание, что на свете есть что-то значительно лучше, чем у ее драгоценного папы, далось ей нелегко. И все же она не хотела кривить душой. И озвучила этот факт.

Я погладила ее по голове и поцеловала в макушку.

– Он ошибся адресом и спрашивал у меня дорогу, – ответила я, в отличие от дочери покривив душой. И чтобы придушить угрызения совести, спросила: – Где Редбой?

– Редбой в машине. Мы едем с Мишей на рыбалку и заодно помоем машину на автомойке.

– А велосипеды? Я думала, вы поедете на велосипедах.

– Но тогда мы не помоем машину, – вполне резонно заметила моя восьмилетняя дочь и, помахав на прощание ладошкой, умчалась туда, где ей весело и интересно.

Вот так всякий раз, когда я попадаю в дурацкое положение и пытаюсь сделать вид, будто ничего особенного не случилось, тотчас рядом возникает Татьяна со своими проблемами и откровениями. И я тут же переключаюсь на нее (даже если она убегает), потому что моя дочь – моя самая большая удача в жизни!

Глава 5

Я оставила кастрюлю с голубцами на плите, убрала мясо в холодильник, царапину на столике прикрыла красивой салфеткой и вышла из дома. Сергей предпочел меня неизвестной молодой девице, и пусть. Обойдемся теперь без деликатесов. Пара голубцов, кусок хлеба, стакан чая с одноразовым пакетиком. Как в дешевой забегаловке. Но он наш дом так и так превратил в забегаловку на ночь. Прибежит, переспит, утром умчится сломя голову, и опять до вечера. Почему я должна соответствовать высшему уровню домохозяйки, если ему абсолютно безразлично, что происходит в его доме, в его семье!

Злость бушевала во мне. Я спустилась с крыльца, выдернула из клумбы тесак и метнула его в деревянную стойку крыльца. Он глубоко вошел в дерево, а не пролетел мимо и не разбил окно кухни, которое находилось как раз на траектории его полета, отклонись он чуть-чуть вправо.

Я деловито отряхнула ладони и победно огляделась по сторонам, словно всю жизнь метала томагавки в головы жалких бледнолицых мужчин.

Аплодисменты не заставили себя ждать.

– Браво! – Моя соседка Раиса вышла прогулять свою пекинесиху в моих цветниках. И теперь, опершись на забор, наблюдала, как она справляет малую нужду среди распустив-

шихся голубых и розовых соцветий. И одновременно хлопала в ладоши. Только я не поняла: мне или своей мохнатой паршивке.

– Раиса! – закричала я. – Немедленно убери пса! Мне своего Редбоя хватает!

– Мне что, через забор прикажешь карабкаться? – лениво удивилась Раиса. – Я на каблуках и ногти только что лаком покрыла. Я ведь не знала, что ей приспичит.

– Я тебя сколько раз просила, не спускай ее с поводка, она же, как та крыса, в любую щель пролезет.

– Какая крыса? Ты думаешь, о чем говоришь? – Раиса повертела пальцем у виска. – И вообще ты какая-то не такая сегодня! Малахольная прямо! Орешь ни с того ни с сего. Ножи метаешь! Великое дело, Тимочка на грядку пописала. Так твои цветы от этого в десять раз лучше расти будут.

– И вонять! – уточнила я. – Скоро все кобели бродячие на мои грядки сбегутся. Редбой там уже котлован вырыл.

– Не придумывай! – возмутилась Раиса. – Тимочка у нас маленькая девочка и кобелями не интересуется. – Она кокетливо взбила темные густые волосы. – Это скорее по моей части.

Солнце светило мне прямо в лицо, и я прищурилась. Кажется, Раиса подстриглась или уложила волосы по-новому. Она была невысокой и полненькой, но крайне привлекательной особой. И все время перешучивалась с Сережей. Муж Раисы был лет на двадцать ее старше, работал главным бух-

галтером в представительстве и в свободное время занимался конструированием чего-то там, в чем я не собиралась разбираться.

Я никогда особо не обращала внимания на внешность Раисы, а тут вдруг заметила и полные, красиво очерченные губы, покрытые темной помадой, и выразительные, умело подведенные глаза. В голове у меня что-то щелкнуло, словно включился счетчик секунд перед взрывом фугаса. Я сейчас и себя воспринимала как фугас, готовый вот-вот взорваться.

Неужели Сережа спал с нею? Раиса всегда рядом, и соблазнить ее плевое дело…

Я стиснула зубы. Надо взять себя в руки, чтобы не вцепиться Раисе в волосы.

А соседка как ни в чем не бывало продолжала:

– Мне надо скосить траву на газоне, а наша газонокосилка сломалась. Я просила Юру ее починить, но он даже слышать не хочет. – Она презрительно скривилась. – Руки у человека не из того места растут, что поделаешь.

Руки бухгалтера росли из тех мест, что и полагается, но я не стала спорить.

– Приходи завтра, сегодня мне некогда, – сказала я сквозь зубы. Я прекрасно понимала, что нельзя относиться теперь с подозрением ко всем молодым черноволосым женщинам с полными губами. У меня нет причин обижать соседку, а тем более давать ей повод для сплетен. Проходя мимо Раисы, я улыбнулась ей, ощущая неловкость. «Могла бы держаться

повежливее, черт побери», – подумала я про себя. Слава богу, Раиса ничего не поняла.

– Ну, не знаю, – на лбу у нее появилась складка. – Тебе не кажется, что трава так и прет после дождя?

Нет, она все-таки изрядная зануда, и представить ее в постели с Сережей просто невозможно. Во-первых, она не из тех, кому дарят квартиры. К тому же я знаю, с кем она наставляет рога своему бухгалтеру. Об этом все в поселке знают, и Сережа в том числе. К тому же Галина Филипповна сказала, что Сережина девица ей незнакома, а Раису она знает как облупленную. Во-вторых, чтобы заняться любовью, ей пришлось бы прекратить нескончаемые разговоры о прическах, нарядах и проделках ее обожаемой Тимочки.

– Да, трава растет как на дрожжах, – согласилась я и прошла мимо.

– Верно! – обрадовалась Раиса. – Моя Тимочка ненавидит стриженые газоны, но в траве заводятся мыши… – Она пробиралась следом за мной вдоль забора. – Скажи, Анечка, почему у тебя такие красивые цветы, а у меня чахнут?

«Поливай чаще и подкармливай минералами!» – хотелось ответить мне. Но мои советы для Раисы пустой звук. Поэтому я сказала другое:

– Наверное, у тебя почва хуже. – И, не останавливаясь, поднялась на крыльцо Римминой половины дома. – Пока! – попрощалась я с Раисой и скрылась в доме.

Две минуты спустя я стояла в гостиной Риммы рядом с ее

креслом, пытаясь скрыть ярость, которая клокотала у меня в груди, а Римма смотрела на меня, и ее большие глаза становились все больше, больше…

Она схватила меня за руку.

– Что с тобой? Ты выглядишь хуже некуда. Что случилось?

– Сережа мне изменяет, – ответила я, чувствуя, что теряю сознание. Слова с трудом вырывались из моего горла. – Я собираюсь уйти от него и развестись.

Выговорить это вслух оказалось намного труднее, чем произносить мысленно, и я без сил опустилась на стоящий рядом диван.

– Ну и дела, – пробормотала Римма и тут же крикнула: – Тамара! Принеси воды и сердечные капли!

– У меня все в душе перевернулось, – жаловалась я Римме, прихлебывая чай с лимоном и отделяя чайной ложечкой кусочки от свежайшего медового пирожного, печь которые Римма большая мастерица. В ее положении это требует определенных усилий, но на кухне у нее (Сережа постарался) так все устроено, что ей практически не приходится прибегать к посторонней помощи. Это славная, но сейчас изрядно захламленная кухня: вокруг рядами стоят разнокалиберные кастрюли с салатами, мясными закусками, соусами, в гриле дожаривается вторая курица, в то время как первая лежит, заботливо завернутая в фольгу, а еще здесь стоят стопками

тарелки и подтарельники. А Тамара только что унесла в столовую две коробки. Одну с ножами и вилками, вторую – с накрахмаленными салфетками. В свое время Сережа пригласил мастеров, и кухню отделали кирпичом и деревом, но истинной хозяйкой кухни была Римма, поэтому, когда она устраивала, как мы называем эти мероприятия, «приемы», здесь царил настоящий кавардак. И должна заметить, Римма как нельзя лучше вписывалась в окружающий ее хаос. Впрочем, она вписывается везде. Такая уж у нее способность быть самой собой в любом случае, в любой обстановке.

– Я даже подумать не могла, что Сережа променяет нас на какую-то девку. Ведь он всегда слишком занят, я верила ему, что у него нет ни одной свободной минуты, и вдруг такая дешевка! Я уйду от него, непременно уйду. Жаль, георгины и флоксы, – я бросила тоскливый взгляд на наш замечательный дворик, – расцветут без меня.

Римма отложила в одну сторону терку, в другую – огрызок моркови. Она вдруг вспомнила про какой-то новый сногсшибательный салат и непременно хотела его приготовить. Все это время она натирала морковь и, казалось, слушала меня вполуха. Я подозревала, что пришла некстати. Римма очень ответственно подходит к подготовке каждого приема, и не беда, что гости не съедали и десятой доли того, что она обычно готовила, остатками пиршества мы привычно питались неделю и не очень от того расстраивались, я в особенности. Отсутствие ежедневной готовки позволяло мне выкро-

ить пару часов на парикмахерскую, бассейн или на встречу с Людмилой.

Но, даже если я не вписываюсь в ее планы, Римма никогда мне не скажет этого, а у меня хватает совести не тревожить ее, когда она корпит над книгой или, не дай бог, готовится к приему гостей. Но сегодня был особый случай, и я рискнула вторгнуться в ее святая святых.

Она почти никогда не приглашает меня помочь в подготовке вечеринки. Это ее способ заявить всем, и себе в первую очередь, что она не беспомощный инвалид. И если ее ноги не ходят, то это не значит, что у нее не работают мозги и не действуют руки. Я обычно наношу последний штрих, расставляю вазы с цветами, это Римма доверяет мне, так же как и срезать цветы для букетов. Тут она полностью признает мое превосходство, а еще я помогаю ей облачиться в вечерний туалет, правда, по этому поводу мы долго спорим, но Римма в конце концов принимает все мои советы. Я ее приучила пользоваться косметикой и укладывать волосы, слегка приподнимая их на висках и на шее. У Риммы и в пятьдесят с лишком лет по-девичьи стройная и гладкая шея. И если говорят, что шея, как и руки, выдает возраст женщины, то в этом мы с Риммой ровесницы.

– Цветы без тебя загнутся, – говорит Римма и водружает миску с натертой морковкой на столик, который стоит справа от ее коляски, – поэтому следует хорошенько подумать, прежде чем резать по живому.

– Это не я, это он режет по живому, – возражаю я.

– Аня, ты разумная женщина, – Римма строго смотрит на меня, – подумай, сколько людей на белом свете завидуют Сережиному положению, вашей семейной жизни, благополучию, достатку. Завидуют нашей с тобой дружбе и что у нас такие замечательные дети, которые уважают и любят нас, заботятся друг о друге. Неужели какая-то похотливая молоденькая сучонка одним махом сможет разрушить то, что строилось и укреплялось годами? Неужели ты без боя сдашь свои позиции? Неужели ты хочешь, чтобы в поселке злорадствовали по поводу случившегося? Ведь это скажется и на Сережиной карьере тоже!

– Он не думал о карьере, когда затевал с ней шашни, он не думал ни о нас, ни о детях! Почему тогда я должна думать о нем?

– Я понимаю, тебе сейчас очень тяжело. Но ты молодая, здоровая, красивая! Умница, наконец! Неужели ты его подаришь какой-то шалашовке? Ведь она только этого и ждет. И потом, кто тебе сказал, что у него с ней серьезно? Да и существует ли эта особа на самом деле? Может, это плод твоего воображения.

– А обертка? Презервативы? Ключи, наконец? Тебе этого мало? – сварливо замечаю я и одно за другим выкладываю перед Риммой вещественные доказательства измены ее бывшего и моего ныне действующего мужа. – Или скажешь, это тоже плод моего воображения?

Римма долго смотрит на них, затем тяжело вздыхает.

– В свое время я бы взъярилась не меньше твоего, но теперь… Теперь я сначала думаю и только затем поступаю. Прежде надо разобраться, почему все эти улики появились враз, в одном флаконе. Не подстроено ли это специально? Возможно, кто-то решил отомстить ему подобным образом.

– Мне в это верится с трудом, – не сдаюсь я. – Он что, бездыханный был, когда эту пакость опускали ему в карман? Или кто-то ходил за ним следом с этим замечательным набором и дожидался, когда он снимет пиджак? Ладно, я допускаю, что он не часто лазит в нагрудный карман, но ключи… Ключи-то были в брюках. Их-то уж сложно не заметить!

– Знаешь, мужики порой проявляют чудеса изворотливости, чтобы скрыть следы своих похождений. Неужели Сережа настолько глуп, чтобы оставить всю эту мерзость в своих карманах? Он бы первым делом от нее избавился. К тому же он попросил тебя приготовить именно этот костюм. Когда он его надевал последний раз? Помнишь?

– Помню! Три дня назад. Утром он его надел, потому что было солнечно, а перед обедом стал накрапывать дождь, и он приехал, чтобы переодеться.

– Вот видишь, днем он с этой девицей вряд ли встречался. Я имею в виду, если эта девица существует на самом деле…

– Существует, – перебиваю я Римму, – я же тебе говорила: их вместе видела Галина Филипповна. И девица подходит под эти губы. Один в один.

– Если их видела Галина Филипповна, совсем не значит, что она над ними свечку держала. Это не доказательство! И эти улики, как ты их называешь, могли быть подкинуты в Сережин пиджак кем угодно, даже твоим тайным поклонником, даже в твоем доме.

– Ну, это, моя дорогая, ты чистой воды чушь молотишь! – взрываюсь я. – Какой тайный поклонник? Нет у меня ни тайных, ни явных поклонников!

– А тот красавчик, что стоял на твоем крыльце?

– А это уже ни в какие ворота не лезет! – Я хватаюсь за голову, затем быстро сметаю вещественные доказательства Сережиного позора в ладонь и распихиваю их по карманам. При этом я злобно бормочу: – Клим Ворошилов! Надо же! Клим мой тайный поклонник! Клим проникает в мой дом, чтобы растолкать улики по карманам моего мужа.

– Ладно, не горячись! Но эту версию тоже не стоит сбрасывать со счетов. Несомненно, кто-то очень хочет вас поссорить, а для этого все цели хороши.

– Хочет поссорить, чтобы занять мое место. – Я вздыхаю, во мне словно открыли какой-то клапан, спустили пар, и хотя я по-прежнему чувствую себя хуже некуда, но мозги прояснились и соображать я стала несравненно лучше, чем час назад. – Римма, ты знаешь, я очень его люблю. – Тоска и обида разъедают мое сердце, и голос звучит плаксиво.

– Только не вой! – обрывает меня Римма. – Это самый простой выход из положения. Слезами горю не поможешь.

Не мной одной это доказано. И ты никакое не исключение. Никто не сделает нас счастливыми, кроме нас самих. – Она смотрит в сторону, и я знаю, что у нее тоже слезки на колесках, но она под страхом смерти ни за что не покажет их мне. – Эх, Анна, Анна, – говорит она, и голос ее слегка подрагивает. – Вспомни, как ты вошла в нашу семью. Ведь я лежала дубина дубиной. Мишка еще в школу не ходил. Пять лет все было на Сережиных плечах, и он ни единым словом не попрекнул меня. А ведь я сама виновата, что поперлась в горы. Уговаривал он меня, просил, мы даже поругались, а я через все переступила и поехала на Кавказ… И вот… – Она положила руки на колени. – Для меня счастье в том, что не сдохла тогда, что через шесть лет стала садиться, что руки работают и голова не пострадала. – Она быстро промокнула нос платочком.

Я взяла ее за руку и погладила.

– Не надо. Не расстраивайся! У тебя сегодня гости.

– Нет, надо! Раз уж зашел разговор, то надо! Я с самого начала, как только стала соображать, говорила ему, чтобы он отдал меня в дом инвалидов, чтобы нашел себе хорошую девушку и женился. Он очень многим пожертвовал ради меня. Молодой красивый мужчина, и рядом старуха-инвалидка жена. В такой ситуации многие ломаются, начинают пить… Появляются непотребные бабы… Но он и слышать не хотел. Трое детей… Он сразу заявил, что не отдаст моих ребят в детдом, хотя ему предлагали, когда я целый год

лежала в госпитале в Москве. И когда он встретил тебя, он сразу же сказал мне об этом. – Римма сложила руки на груди и посмотрела на меня. – Я всю ночь проплакала. Он сидел рядом со мной, держал меня за руку и говорил, что я не должна плакать, не должна расстраиваться, что он не станет с тобой встречаться…

– Мы не спали с ним, пока он не сделал мне предложение, – сказала я быстро, потому что это на самом деле правда. Сережа сразу и честно рассказал мне о своей семье и больной жене. А мне не хотелось строить свое счастье на чужих руинах.

– Да, да, я знаю, – Римма кивнула головой. – Но я не имела права ломать его жизнь. Утром мы договорились, что он приведет тебя на смотрины.

– Я помню, как тряслась перед этим. Сережа тоже волновался. Тогда невозможно было купить шампанское. Сережа с трудом достал одну бутылку и тут же выронил и разбил ее. Мы пришли с пустыми руками, и ты сказала, что бутылку шампанского разбивают о борт корабля, когда отправляют его в дальнее плаванье. Значит, нашему кораблю суждено большое плаванье.

– Я тоже это помню. Я поняла тогда, что должна отпустить Сережу. Я увидела, как полез к тебе на руки Миша, ты гладила его по головке, а он лип к тебе, не отходил ни на шаг. А ведь я не могла его приласкать, подержать на руках.

– Я очень тебе благодарна, Риммочка! Ты сумела подарить

мне Сережу, но я не смогу отдать его этой девке! Я просто не переживу этого!

– Ну, слава богу, – улыбнулась Римма, – кое-что до тебя дошло! Будь я здорова, я бы тоже дралась за него как тигрица. И у тебя ничего не получилось бы! Впрочем, я не думаю, что ты появилась бы, будь я здорова! Но судьба сложилась не так, как мне хотелось, и я вынужденно отступила. Да, я согласилась на развод. Я сама это предложила Сереже. Я понимала, что мне не подняться, но в душе я осталась женщиной. Мне было и горько, и обидно, я хотела смерти, потому что понимала, что вы моих детей не оставите… Но Господь не дал мне смерти, вы не бросили меня, поначалу я смирилась, а теперь понимаю, что о таком варианте можно только мечтать. И еще, я очень благодарна тебе, что ты заставила меня писать…

– Но ты же блестящая рассказчица. Грешно было бы все это не записать. У тебя получилось, и я очень рада! – Я погладила Римму по плечу. – Ты преобразилась с тех пор. Ты почувствовала, что нужна людям!

– Это очень важно – не чувствовать себя обузой, – улыбнулась Римма. – Я теперь полностью содержу себя и Мишу. Могу позволить дорогие лекарства и массажистов. И вы теперь с легким сердцем отправляетесь отдыхать не в заводской санаторий, а в Грецию.

– Да, Танька и Миша уже рисуют радужные картины полета на параплане и катания на яхтах. Жаль, что тебе нельзя

поехать с нами.

Римма развела руками.

– Сегодня окончательно решится, поеду ли я в Штаты. Петров привезет с собой издателя из Нью-Йорка. Он намеревается к сентябрю издать мои книги в Америке. Будет презентация, и мое присутствие необходимо.

– Но ты говорила, что приедет еще какой-то доктор?

– Да, они привезут с собой светило из Москвы, и оно, это светило, должно определить, смогу ли я вынести многочасовой перелет через Атлантику. Возможно, он заберет меня с собой в Москву. У него там клиника.

– Рада за тебя. – Я обнимаю Римму и целую ее в щеку. – Я постоянно чувствую свою вину перед тобой. Но я завидую твоему оптимизму и силе воли. Я знаю, Сережа очень любит тебя. Говорят, такое случается.

– Ладно, ладно, не выдумывай! Меня он любит, я знаю, но как старшую сестру, тут уж ничего не попишешь. Поэтому послушай старшую сестру. Не пори горячки. Не говори сегодня Сереже, что ты обнаружила в его карманах. Пускай он едет в свою командировку, а мы посмотрим, поразмыслим, кое-что разведаем… Терпение и выдержка иногда дают поразительные результаты!

– Я не понимаю, что значит «разведаем»? Я не собираюсь унижаться и нанимать частного детектива. Если я этим займусь, все тут же станет известно в поселке.

– Разведка на то и разведка, чтобы осуществлять ее неза-

метно для противника.

– Но я не разведчик! Я просто этого не умею, и мне противно следить за собственным мужем! Это гадко! Это унизительно! – Я вскочила со стула и принялась ходить взад-вперед по кухне, все время натыкаясь на какие-то коробки.

– Тогда прижми задницу и сделай вид, что ничего не произошло! – рассердилась Римма и прикрикнула на меня: – Да сядь ты наконец! Не мельтеши перед глазами!

– Я не могу закрыть глаза и прижать задницу! Я не хочу, чтобы он лез ко мне в постель после этой девки!

Римма прикусила губу и посмотрела на меня.

– Аня! Ну что ты взъярилась на эти презервативы. Вспомни, может…

Я подняла руки вверх.

– Ничего не может… Он не пользуется со мной презервативами, потому что я пью таблетки. Каждый день, без перерыва… Это для той девки или девок. Я, честно сказать, уже не уверена…

– Но, как бы выразиться, часто ли у вас случается… Вернее, не сказалось ли это на частоте ваших отношений…

– Не сказалось! Я ничего не заметила! Хотя, – я остановилась и посмотрела в окно, – хотя в последнее время он стал более внимательным, что ли, более ласковым. Но приступы нежности у него частенько случаются, неужели это тоже связано с его походами на сторону?

– Не обобщай! – прикрикнула на меня Римма. – Когда

Сергей приезжает домой?

– В семь!

– Через три часа. А вечеринка начнется в восемь! У нас прорва времени, чтобы составить план и начать действовать.

– Что ты имеешь в виду?

– Я имею в виду, что ты поедешь следом за ним, сначала в офис, а затем в аэропорт. Где гарантия, если эта девица существует на самом деле, что она не припрется проводить его в аэропорт?

– Слушай, это идея! – Я почувствовала, что кровь быстрее побежала по жилам. – Возможно, я получу еще одну оплеуху по роже, но по крайней мере я буду знать врага в лицо.

– Главное, надо держать себя в руках и понять, насколько это у Сережи серьезно. Вполне возможно, ты съездишь впустую, но это и будет самый хороший для нас результат. Но если девица появится, то не лезь выяснять отношения, на обратном пути постарайся выяснить, где она живет. Тогда легче будет проследить, чем она занимается, какой образ жизни ведет.

– Римма, но я не смогу таскаться за этой девицей. У меня столько дел, тут все развалится, зарастет грязью…

– Не развалится и не зарастет! Сережи несколько дней не будет, поэтому тебе можно не готовить. Татьяну я беру на себя! Тамара будет заниматься уборкой. Дети будут поливать цветы и выгуливать Редбоя. Все получится, успокойся! Миша сможет заменить тебя в библиотеке.

– Но у тебя самой забот хватает! Тебе надо срочно закончить книгу. Нет, я не могу!

– Брось! Книгу я так и так закончу! Татьяна – не грудной ребенок! И ты ж не сутками будешь следить за этой девицей.

– Ладно, посмотрим, – буркнула я, – но если выяснится, что у Сережи серьезно с этой девкой? Я ведь тогда все равно уйду.

– Тогда не только ты уйдешь. Ему придется объясняться со мной.

– Римма, это не дело! Ты должна остаться. К тебе он не изменит своего отношения.

– А Миша? Ты забыла про него? Алеша… Зина… Они приняли тебя, они любят Таньку. Как они на это все посмотрят? Я тебя прошу, не принимай скоропалительных решений. Не хочу предполагать худшее, но в любом случае мы соберем совет и обсудим, как нам поступить! Ты нам не чужая! Пускай Сережа выбирает, и я не сомневаюсь, кого он выберет!

– Не хватало мне народных хуралов! – взбеленилась я. – Выберет, не выберет! Я сама выбираю и, если получу полновесные доказательства, выгоню его к чертовой матери! Расставаться с вами я не собираюсь, а он пусть катится к своей дешевке! Но после нее я его не приму! Вот те крест!

– Я знаю, ты не пропадешь! Ты была прекрасным журналистом, и в городе это помнят. Без работы ты не останешься. Но в любом случае, я думаю, тебе следует вернуться в

газету. Заниматься домашним хозяйством прекрасно, если ни к чему другому нет тяги. Возвращайся в журналистику, это тебя поднимет. Ты будешь не просто женой своего мужа. Нельзя полностью посвящать себя мужику. Это опускает! И еще один совет. Не старайся отомстить ему известным женским способом. Не изменяй ему!

– Римма-а! – поразилась я. – О какой измене идет речь?

– На твоем горизонте появился этот красавчик. Издали я его не рассмотрела, но, кажется, чертовски обаятельный тип.

– Клим Ворошилов – крайне неприятный тип. С ним у меня ничего не будет, даже если это станет грозить мне концом света. Я его выпроводила, и больше он сюда не заявится. Это – мое прошлое, и очень печальное прошлое.

– Ты его любила?

– Нет, нет! Что ты? Я его терпеть не могла. Он обошелся со мной по-свински!

– Но он не слишком похож на свинью, скорее на крепкого молодого кабанчика, – усмехнулась Римма.

– Тем более! Кабанчика только мне не хватало!

Кабанчик! Надо же! Умело найденное слово способно мгновенно привести нас в чувство и избавить от романтических фантазий. Сравнение Клима с кабанчиком тотчас вызвало в памяти все негативное, что было связано с этим человеком. Я вспомнила тот день, когда он грубо завалил меня на постель в гостиничном номере, сдернул с меня платье, порвал белье. Все было паскудно, грязно, гадко, а он сопел,

кряхтел, стонал на мне, совсем не заботясь о том, что мне очень больно и обидно. И потом не отпускал меня, мучил всю ночь своими поцелуями, оставил синяки на груди и на шее…

Клим вел себя как поганая, похотливая скотина и раз за разом пользовался мной, хотя все во мне разрывалось от боли. Потом месяц не удавалось унять кровотечение, и я едва избавилась от желания выброситься в окно. И если бы я в то время не встретила Сережу, еще не известно, во что бы все вылилось… Это животное растерзало, истоптало меня и вот опять лезет в мою жизнь, и еще смеет появляться в моем доме и обзывать Сережу «инженеришкой». Сволочь, негодяй, грязный вонючий кабан! А я пыталась мило разговаривать с ним! Надо было сразу метнуть тесак в его холеную сытую рожу!

– Нет! – повторила я решительно. – Ворошилов последний в этом мире человек, с которым я хотела бы изменить Сереже. Честное слово, таковых в моем списке вообще не значится. Я просто ни в ком не вижу мужика, с которым мне хотелось бы переспать. Даже под наркозом!

– Ну, это обнадеживает! Значит, будешь бороться за Сережу! С ним-то ты готова спать без наркоза!

Я засмеялась. И Римма сказала:

– Ну вот! Ты немножко пришла в себя, так что берись за дело. Надо натереть еще морковки. Этой, похоже, маловато, а мне нужно заняться десертом.

Глава 6

Я покорно взялась за терку. Натирание морковки – прекрасное средство отогнать неприятные мысли. Если внимательно следить за костяшками пальцев и вовремя переворачивать огрызок, в конце концов тебя ждет награда – миска тертой моркови, – отнюдь не всякий способ отвлечения от дурных мыслей дает столь полезный результат.

– Я тебе куплю специальную пластиковую миску с теркой в крышке, – сказала я Римме. – Ее продают в любом хозяйственном магазине. Я просто не думала, что ты пользуешься примитивной теркой.

– У меня на кухне столько этого хлама, что я могу открыть свой собственный хозмаг, – заметила Римма. – К тому же пластик быстро приходит в негодность. Я предпочитаю пользоваться старыми, проверенными вещами. А новое… Оно слишком красиво, чтобы быть полезным и долговечным.

По этому поводу я могла бы поспорить, но сейчас мне не хотелось затевать бесполезную перепалку. Если у Риммы сложилось насчет чего-нибудь или кого-нибудь свое мнение, ее очень трудно убедить в обратном.

Римма болтала без остановки, что совсем на нее не похоже: явно пыталась отвлечь меня от горестных размышлений.

И я делала вид, что ей это удается. Мне и впрямь полегчало. Я выговорилась и словно скинула с себя часть груза.

Я с мамой не слишком откровенничаю, потому что она сразу впадает в панику от моих неудач. К тому же я ее жалею и стараюсь не слишком огорчать. А вот с Риммой мне действительно легко: она и поругает, и найдет слова утешения! Вместе мы всегда отыщем выход…

Но тут я удостоверилась, что Риммина болтливость показная, на самом деле ее, как и меня, сильно занимает возникшая проблема, она думает о ней постоянно.

– Скажи, а в поведении Сережи ничего тебя не насторожило в последнее время? – спросила внезапно Римма. – Какие-то неожиданные поступки, слова… Как он объяснял свои задержки на работе?

– Я не заметила, чтобы он стал чаще задерживаться. И командировки… Их не стало больше. Все как всегда! Хотя нет! – Я вскочила со стула и чуть не уронила на пол миску с морковкой. – Он стал запирать один из ящиков своего стола. Сережа знает, что я никогда не буду шариться в его бумагах. Они мне не интересны. А вчера мне понадобился лист чистой бумаги, чтобы составить список покупок перед отъездом. Я потянула верхний ящик, а он на замке. Остальные открыты, а этот замкнут. Я не придала этому значения. Вдруг там и впрямь секретные документы, но мы с Танькой ничего не понимаем в его секретах и, даже если их увидим, в американскую разведку стучать не будем. Кроме того, не думаю, что он станет хранить дома что-то секретное. Для этого у него есть сейф на работе.

– Но у него и дома есть сейф.

– Да, но у меня есть от него ключ, а от стола у меня ключа нет. Значит, он не хотел, чтобы я заглянула в этот ящик?

– Ты спросила у него, почему он запер стол?

– Бумагу я нашла в другом месте и тотчас забыла про этот ящик. И если бы ты не подтолкнула меня, сроду бы не придала этому значения.

– У меня появилась идея, – глаза Риммы блеснули. – Мы сейчас отправимся к нему в кабинет и посмотрим, что он прячет в этом ящике.

– Нет! – сказала я. – Ни за что. Мы не станем копаться в его ящиках. И потом, он сразу заметит, что мы открывали стол. У нас нет ключа, чтобы снова замкнуть его.

– На месте мы прикинем, что к чему. Возможно, мы отыщем ключ.

– Вряд ли он оставил ключ, если решил запереть ящик. Он носит его с собой, – возразила я, но не так решительно, как прежде.

А Римма уже прониклась этой идеей, и ее трудно было остановить. Она от всей души радовалась своему плану.

– Мы можем найти там какую-нибудь вещь, которая подскажет нам, что происходит. Например, письма…

– Письма? – Я бросила на нее недоверчивый взгляд. – Сережу не заставишь записать номер телефона, а ты собралась искать любовные письма. У него все автоматизировано, стал бы он отвлекаться на подобную чепуху.

– Ну, тогда что-нибудь еще. Мы вполне успеем до семи. – Римма посмотрела на часы. – Давай живее! В случае чего я всю ответственность возьму на себя.

– И как ты объяснишь, что рылась в его столе?

– Я найду, что сказать. В пятницу я вполне могла оказаться на месте Галины Филипповны и видеть его возле «Оазиса». И мне вполне могло прийти в голову заглянуть в его секретный ящик. Тогда не ты, а я потребую от него объяснений, а ты сделаешь вид, что абсолютно не в курсе.

– Как ты это представляешь? Он ни за что не поверит, что ты проникла в его кабинет тайно от меня и каким-то образом обнаружила этот ящик. Он не поверит, что мы не сговорились. Он не поверит, что я не в курсе.

– Поэтому нам надо спешить, чтобы Сергей нас не поймал. Дети на рыбалке, никто нам не помешает.

– Римма, ты никогда не пробовала себя в роли взломщика? – поинтересовалась я. – Похоже, в тебе пропал незаурядный уголовный авторитет.

– В детстве мне часто приходилось выкручиваться, чтобы элементарно выжить, теперь это пригодилось, – засмеялась Римма. Она выдвинула ящик стола и достала длинный узкий нож. – Это похоже на то, чем я открывала дверной замок, когда мать запирала меня и уходила в ночную смену. Порой ее не бывало дня три-четыре, а я в садик не ходила, вот и выбиралась, чтобы добыть себе пропитание. Один раз я серьезно думала съесть своего котенка, но так и не решилась,

в итоге нас обоих едва живыми нашли соседи. После этого меня забрали от матери, но в детдоме жизнь была ненамного лучше. Правда, с голоду я больше не умирала. А вот котенок так и не выправился. – Она вздохнула. – Я не хочу это вспоминать. В жизни у меня бывали и худшие моменты. – Она лихо взмахнула ножом. – Замечательно! Сегодня мы устроим настоящий шмон.

Римма в своем кресле без труда преодолевает все лестницы в нашем доме, потому что везде у нас установлены специальные пандусы, по которым она поднимается и опускается с помощью электрической лебедки. Я лишь слегка придерживала кресло за спинку. И с замком удалось справиться без особых трудов. Римма очень ловко орудовала ножом и отодвинула защелку в считаные секунды.

Так что полчаса спустя после того, как мы покинули кухню Риммы и приступили к обыску кабинета, мы сидели за столом в моей кухне и вместе с Риммой рассматривали два предмета, которые показались нам заслуживающими внимания.

Первым из них была упаковка презервативов «Радость женщины», точное подобие той, которую я нашла у Сережи в кармане, только неиспользованная.

– Да, это весьма подозрительно, если ты предохраняешься таблетками, – сказала Римма, вынимая упаковку из ящика, в котором Сергей намеревался скрыть свои секреты от двух

настойчивых женщин.

– Так и есть! – отозвалась я. – Теперь ты удостоверилась, что Сергей и вправду мне изменяет?

– Чтоб ему пусто было, – пробурчала Римма и занялась другим предметом, металлической шкатулкой размером с медицинскую аптечку. Она тоже была заперта на замок, но более серьезный, и ножом его открыть не удавалось.

Римма повертела ее в руках.

– Надеюсь, она не взорвется, когда мы ее откроем. Теперь мне все больше и больше хочется заглянуть под ее крышку и немного поумерить прыть Сергея.

Целых полчаса мы ничего не могли поделать со шкатулкой. Мы пробовали и так, и этак. Мы орудовали ножом, затем отверткой, которая прочно застряла в замочной скважине. Порой мне казалось, что эта металлическая скотина, стиснув зубы, ехидно хихикает над нашими напрасными попытками добраться до истины. Конечно, если б я представляла тогда, какая головная боль хранится под ее крышкой, я бы попросту утопила ее в помойном ведре, чтоб не знать тех чуть не убивших меня подробностей личной жизни моего дорогого супруга. Но сейчас меня охватил азарт, и сам черт мне не брат, когда я вхожу в раж! Я должна непременно добраться до содержимого! И я это сделаю, даже если Земля изменит свою орбиту, а полюса поменяются своими местами!

Все старания оказались напрасны. Открыть замок так и не

удалось, сорвать крышку – тоже. Я подумала, не стоит ли переехать ящик трактором. К счастью, трактора поблизости не нашлось, а то мы бы не остановились перед тем, чтобы раздавить эту проклятую штуковину гусеницами. Или взорвать ее, если бы в доме имелся хотя бы грамм тротила.

Римма была крайне раздосадована.

– Господи, да что же он хранит в этом ящике? Ключ от ядерного чемоданчика? Или образцы бактериологического оружия?

Мы с тоской взирали на застрявшую в замке отвертку. Наконец общими усилиями и с помощью десятка крепких словечек мы ее освободили. Но шкатулка в районе замка представляла жалкое зрелище: глубокие царапины, настоящие шрамы покрывали прежде полированную поверхность.

– Скоро Сережа приедет домой, и я попытаюсь раздобыть его ключи, – сказала я. – Он обязательно пойдет в душ, а я поищу в его карманах.

Римма бросила на шкатулку полный сомнения взгляд.

– Боюсь, ключ тут не поможет, – сказала она. – После отвертки в скважину уже ничего не вставишь, разве что спицу.

Я поняла и принесла вязальную спицу. Но спица оказалась так же бессильна, равно как и вязальный крючок. Вдобавок мы его сломали у самого основания, так что скважину заклинило окончательно.

Я была вне себя от злости. Эта шкатулка наплевала мне в душу. И я стукнула ее кулаком. Она в ответ даже не лязгнула.

– Гнев – плохой советчик, – сказала Римма и посмотрела на часы. – Прости, но мне надо катиться домой. – Она погладила меня по руке. – Пойми, ты ничего не теряешь. У тебя есть дочь и все мы. Это он останется в единственном числе, я эту девку в расчет не беру. И даже если это временное помрачение рассудка, Сергея стоит примерно наказать, чтобы обеспечить иммунитет и чистоту мозгов. Но прошу тебя, пока молчи!

Я молчала. Я почти не слышала, что говорит Римма. Я смотрела на шкатулку и думала, есть ли в ней что-то, что способно смягчить наказание, если я вдруг прикончу Сергея. Или его девку.

– Ты не против, если Таня сегодня переночует у нас? – спросила Римма и дернула меня за рукав. – Не принимай близко к сердцу, там вполне может оказаться какой-нибудь идиотский журнал для мужиков. С голыми бабами и прочей хренью. Даже самые степенные мужики падки на этот срам. Но не убивать же их за это?

Я кивнула. За журнал убивать не стоит. Но если эти пристрастия успешно претворились в жизнь, то над орудием возмездия следует подумать. Но я сама виновата: потеряла бдительность. А в нашем мире это соразмерно дефолту и краху на бирже. В одно мгновение остаешься гол как сокол и должен начинать жизнь с нуля. Так что я оказалась на грани дефолта по собственной глупости и из-за чрезмерного самомнения. Сережа – видный мужчина и очень нравится жен-

щинам. Я слишком легко поверила, что я у него единственная и неповторимая. Забыла, что мужики на наших просторах всегда в меньшинстве и на каждого найдется дюжина таких единственных и неповторимых, но только более молодых, более красивых, и хорошо, если обладающих кое-каким умом. Впрочем, в списке женских прелестей ум всегда стоит на последнем месте.

Римма заставила меня наклониться и поцеловала меня в щеку.

– Чтоб Сережке пусто было! Ты заслуживаешь лучшей участи. Все, что ты сейчас делаешь, пойдет тебе во благо. Даже если бросишь его, легко начнешь жизнь сначала, с чистой страницы.

– Ага, – отозвалась я. – Начну! Только как это сделать, подскажешь?

– Подскажу, – ответила Римма. И мы двинулись в обратный путь. Во дворе мы полюбовались на цветники и попутно нарезали цветов для букетов. Я их расставила в вазы, а затем вернулась домой. До приезда Сережи оставалось чуть больше часа.

Я снова выудила голубец из кастрюли, но даже не почувствовала его вкуса. Все мои мысли крутились вокруг шкатулки. Я опять поднялась в кабинет, захлопнула ящик. Если не знать, что в замке ковырялись, то можно и не заметить, что стол вскрывали. Но если Сережа и заметит, то пусть ему будет хуже. На этот раз он уедет в командировку после при-

личной головомойки. А может, и вовсе останется, чтобы выправить штурвал на идущем ко дну семейном корабле. Я уселась за стол и задумалась. Какие рифы могут скрываться в этой чертовой шкатулке? Рифы, о которые вот-вот разобьются мои любовь и благополучие. Я останусь одна. Но разве одиночество благо? И каково придется Тане без отца? Мне хотелось заплакать, закричать, устроить безобразную сцену. Я подумала, как славно было бы наброситься на кого-нибудь, разбить ему физиономию и таким образом выплеснуть гнев и разочарование.

Во мне нарастала агрессия, и, чтобы избавиться от нее, я должна была непременно разделаться с проклятой шкатулкой. Я с ненавистью посмотрела на нее. Должен же найтись способ забраться внутрь. Что, если попробовать консервным ножом? Или топором?

Я не сомневалась, что в ней хранится что-то действительно важное для Сергея, и все же думать о ее содержимом было куда приятнее, чем представлять, как ты сносишь челюсти и отбиваешь почки своим противникам. На первый взгляд шкатулка не смотрелась слишком прочной. Выступ со скважиной для ключа выдавался над ее поверхностью на целых полсантиметра, и я решила, что мне вполне по силам сбить замок.

Я встала из-за стола, спустилась в подвал и, покопавшись в шкафчике с инструментами, вернулась на кухню со стамеской и молотком.

– Ну, теперь держись, чудовище! – сказала я шкатулке и приложила лезвие стамески к щели под выступом.

Пришлось нанести с десяток ударов молотком, прежде чем я сорвала выступ, но замок по-прежнему оставался на месте.

– Сейчас я тебя… – пробормотала я и врезала молотком по крышке.

Крышка прогнулась, выскочила из пазов и с металлическим лязгом совершила один оборот на столешнице.

– То-то же, – сказала я мстительно и опустилась на стул. – Так-то лучше.

Я подтянула к себе шкатулку и вынула из нее пачку бумаг. Сначала я подумала, что это документы – копии каких-то контрактов и счетов, но на поверку оказалось, что шкатулка до самого дна набита письмами. Любовными посланиями.

Их было около трех десятков. Двадцать восемь, явно не первой молодости писем на пожелтевшей бумаге с поблекшими чернилами. Они не были датированы, и я могла только гадать, когда их отправили. Я бегло просмотрела письма. Кажется, они того периода, когда Римма целый год лежала в военном госпитале, потому что упоминалось ее плохое состояние и возраст Миши – три года, а когда мы познакомились с Сережей, ему шел седьмой. Я читала отрывки из этих писем, поражаясь тому, как эта женщина любила Сергея и верила, что будет рядом с ним. Быть может, Сереже стоило взять ее в жены?

А может, она до сих пор остается его тайной женой? Но зачем он тогда оформил наши отношения, или эта дама несвободна? По письмам это невозможно было узнать, хотя во второй раз я их внимательно перечитала. И сделала вывод, что автор писем ни разу не вспомнил в них о каких-то интимных подробностях любовных свиданий, только поток возвышенных фраз о любви и призывы встретиться. И я несколько успокоилась. Кажется, здесь и не пахло взаимностью. Сережа был слишком озабочен своими семейными проблемами, чтобы броситься в омут новой страсти.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.